

Мария Бородина

Академия
ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО?

ЧАСТЬ 1: Игры безумного алхимика

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Бородина
Академия "Воронье
гнездо". Часть 1: Игры
безумного алхимика
Серия «Сказки почтовой
вороны», книга 1

<https://litres.ru/73998414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Запрыгнуть в постель к самому странному парню Академии?
Легко!

Стать объектом ненависти всех девчонок в округе? Не вопрос!
Осознать, что моя любовь, возможно, сварена в колбе?
Слишком сложно...

Я – Шарлотта Энвиллан. Гордость/позорище вся Академии
(нужное подчеркнуть) и девушка, которая ни перед кем не
прогнётся.

Он – Юдиас Вирго, чокнутый гений и беспринципный
нарцисс. Отвратителен ровно настолько же, насколько
привлекателен. Его страсть – алхимия эмоций. Юдиас
коллекционирует эмоции людей и может вызывать их у других,

превращая страх в массовый психоз, ненависть – в восстание, а любовь – в повод надеть глупостей.

Именно он учинил саботаж в Академии – я точно знаю. Но думают все почему-то на меня

Выбора нет. Я должна вывести Юдиаса на чистую воду, даже если это будет стоить мне репутации!

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	56
Глава 6	65
Глава 7	75
Глава 8	85
Глава 9	98
Глава 10	109
Глава 11	118
Глава 12	130
Конец ознакомительного фрагмента.	144

**Мария Бородина
Академия "Воронье
гнездо". Часть 1: Игры
безумного алхимика**

Глава 1

Лотта. Иллюстрация Елены Поповой.

Мерзкая вонь резала глаза даже сквозь опущенные веки. Прогоняя остатки кошмара, я шумно вдохнула ртом и заби-лась в изнуряющем кашле.

– Парфина, – сипло выдавила и снова закашлялась. – Оро-чье прибудище! Опять на ночь налопалась фасоли?!

Ответа не последовало. Что не удивляло: если зеленоко-жее отродье что-то задумало, пощады лучше не ждать. Ещё минуту назад в моём кошмаре Парфина вместе с Леоной и Брит топили меня в выгребной яме. Сон-то, похоже, проро-ческим оказался...

Нечаянно втянула воздух носом, и желудок скрутился в рвотном позыве. Вот это вонь! Даже выгребная яма отдыхает!

– Парфина, что случилось-то? – пропищала я уже жалоб-но. – Сток прорвало?

И снова молчание в ответ. Такое зловещее, что даже страшный сон показался милой иллюзией.

Здравый смысл возвращался, развеивая полудрёму. Кого я зову? Не дура ли? Парфина, наверняка, убежала, спасаясь от неземного аромата, а меня оставила. Другого я от неё и не ожидала. Теперь разбираться во всём придётся самой. Что ж...

Разлепила глаза, села на постели и встретила глухую те-мень. Заря и не думала заниматься. Ни маглумчика тебе, ни

светляка залётного. Лишь мутный прямоугольник окна на дальней стене бросал на пол тусклые лучики лунного света.

Вгляделась во мрак. Кровать напротив кто-то аккуратно заправил. Досада отчаянно вгрызлась в сердце, кусая живую плоть. У-ух, Парфина! Даже на это время нашла, а разбудить меня, видимо, религия не позволила! Предсказуемо.

Интересно, каким богиням молятся орки?

На полу потёков канализации я не увидела. Может, правда, плохо смотрела. Жуткое правило Фергазийской Академии магических искусств, а в народе – "Вороньего гнезда", регламентировало уничтожение маглумов в комнатах после десяти вечера. Как тут в слепца не превратишься? Ректор полагал, что это убережёт адептов ото всякого рода непотребных поступков... Ха! Я явно не самая наивная в этой богдельне.

Санузел в темноте выглядел так, словно им вообще никогда не пользовались. Неужто Парфина снизошла и взялась за ёршик?

Вот только вонь, кажется, нарастала. Накатывала волнами, как бушующее море, и грозила потопить в себе. Трудно было разобраться, откуда плывёт смрад и не мерещится ли он мне, но разбираться дальше я не могла. Сила и выдержка, знаете ли, безбграничный ресурс. Спотыкаясь, я рванула к двери. Распахнула её, мешком вываливаясь в коридор, вдохнула желанный свежий воздух, и...

Внешние маглумы, рождая отблески мутного света, за-

дрожали под потолком. Я застыла, вглядываясь в стены с глиняной мозаикой в песочно-жёлтых и болотных тонах. Женскую башню украшает голубая и белая мозаика! Так значит, я... в мужской?

Коварные низшие! Да будут прокляты эти башни с одинаковыми комнатами, что построены по одной схеме!

Отчаянье натянуло позвоночник струной. Едва не взвыла. Ну, как всегда: неизвестно чьей милостью влипла по самые уши. Сами-то, небось, прячутся неподалёку и ржут, как кони. Надо же быть такой глупой!

От ярости закрипели зубы и задрожали руки. Захотелось стиснуть кулаки и бить, бить, бить гадкую настенную мозаику. Лупить, сдирая кожу в кровь и набивая синяки! Боль, когда тебя ни во что не ставят, всё равно сильнее... Я машинально занесла руку для удара, но тут же остановила себя. Надо лишить обидчиков радости и сделать вид, что не напугана: небось, наблюдают, гады... И с уверенностью найти дорогу назад: Филлагория мне поможет!

Я расправила плечи, нарисовала на лице улыбку и двинулась по закруглённому коридору. Ночная сорочка хлопала за спиной уродливым белым крылом. Филлагория явно была на моей стороне, ибо я быстро нашла выход на центральную лестницу.

Девятый ярус? Ишь, что выдумали! А Парфина-то вовсе не дура... Теперь, чтобы попасть в переход, соединяющий башни, нужно будет спускаться до второго. Что ж...

На площадке седьмого яруса одолело стойкое чувство, что за мной наблюдают. Лишь улыбнулась шире: пусть не думают, что мерзкий розыгрыш выбил меня из колеи. Пусть подавятся своей завистью к родовой магии Шарлотты Энвиллан (которая, правда, ещё не проснулась). Пусть готовятся к поражению: совсем скоро, на Эссенсусе, отсеется большинство из них. Но не я: ритуал активации обязательно пробудит мой родовой поток. И станет легче.

Ещё через два яруса появилось кое-что страшнее.

Шаги. Зловещие, неумолимо приближающиеся и заставляющие сердце заходиться... Бум-дзынь, бум-дзынь!

Я замерла у стены и попыталась с нею слиться. Так лязгают железные цепи на сапогах комендантов. Попасться им ночью – заработать выговор за нарушение режима. Два выговора – прямой путь к отчислению. Одного меня уже удостоили в прошлом месяце... Угадайте, чьей милостью?

Может, пронесёт?

Бум-дзынь. Бум-дзынь. Ближе. Ещё ближе...

Не дожидаясь, пока меня настигнет карающая длань, я рванула вверх. Старалась двигаться бесшумно, но не тут-то было! Цепи на чужих сапогах залязгали громче и чаще – комендант тоже перешёл на бег. Теперь точно не успокоится, пока не прошарит всю башню.

Отчаяние спирало дыхание, но азарт бурлил в крови. Что же делать?

В панике я метнулась на ярус и нырнула в едва освещён-

ный коридор. Тут же смекнула, что ход опоясывает башню по кругу, и бежать дальше опасно: враг может выйти навстречу. Сапоги всё ещё громыхали, но понять откуда льётся звук было невозможно. Он шёл с обеих сторон, окружал меня, травил, вмуровывал в стены.

- А-а-а, коварные низшие! – прошипела я, преодолевая ступор, и толкнула первую попавшуюся дверь. Влетела в густую темноту и тут же в ней утонула. Ночь распахнула мягкие, как лучший кашемир, объятия и едва уловимо пахнула жасмином. Судя по тому, что тишина успела пустить тут корни, в комнате никто не жил.

Перевела дыхание и утёрла выступивший пот. Вот и отлично! Пожалуй, если я скукожусь в уголочке, меня никто не заметит.

Самообман был слаще вишнёвого пирога, но страх царапнул горло. Что, если у коменданта с собой маглумовые капсулы? На раз-два ведь обнаружит, как ни прячься! Накатившая паника обдала холодной волной, и мышцы начали подрагивать. Я закусила губу: думай, Лотта, думай!

Темнота понемногу рассеивалась, позволяя глазам привыкнуть. В синем, тягучем мраке прорисовались контуры кровати. Недолго соображая – и, впрочем, не сумев додуматься до чего-то более адекватного – я стрелой метнулась к ней и нырнула под одеяло.

И лишь когда тишина за дверью очертила знакомое "бумдзынь", я поняла, что рядом со мной кто-то лежит.

Бум-дзынь! Шаги замерли недалеко от двери. Вдалеке что-то скрипнуло, и тут же потянуло едва уловимой прохладой. Ну, точно: шерстит, гад! Страх змеей обвил шею и пророс в голову, как ядовитый плющ, забирая остатки рассудка. Разобраться бы теперь, что пугает сильнее: неведомый мужик под одеялом или злой комендант.

И тут же, будто по велению Филлагории, тело рядом стало подавать признаки жизни. Перекатилось на бок, приподнялось на локте. Сонный голос ударился в плечо:

– Ты... кто?

Голос был мужским, но слишком высоким. Почти фальцетным, будто недоломавшимся. Как у юноши, что давно пересёк границы детства, но ещё не успел стать мужчиной. В общем, безопасным. Даже страх на миг спрятал голову.

– П-простите, – подбирать слова не хотелось: ночное происшествие украло все силы. Но приходилось. – Я думала, тут никто не живёт.

– Я что, такой незаметный? – нотки недовольства зазвучали в голосе. Не такой уж он белый и пушистый!

– Нет, но... – чужое дыхание нагло скользнуло по щеке, и я задрожала ещё сильнее. – Я прячусь от коменданта. Помогите мне, прошу!

– Нечего ночами по коридорам шастать!

Сквозь шелест чужого дыхания до слуха донёсся приглушённый хлопок. А потом – знакомое "бум-дзынь", раздра-

жающее, как тиканье часов в разгар бессонницы. По нарастающей. Смертоносное крещендо! Если выберусь из этой передраги живой, непременно напишу песню для экватора: дзынь-дзынь-дзынь, бум-бум; дзынь-дзынь-дзынь, бум-бум!

– Я не шастала!

Снова скрип открывающейся двери – уже ближе. Шаги. И тихий говор. Слова и обрывки фраз прорывались сквозь стылую тишину, но разобрать их не получалось.

– Прекрати, – незнакомец сухо хохотнул. И вовсе он не страшный. Скорее странный. – Меня не обманешь. Ведь как-то ты тут очутилась. Материализовалась?

– Надо мной подшутили, – сбивчиво проговорила я. – Наверное... Парфина угостила меня орочьим смузи из мякоти морских орехов, а потом...

– Трамбосские морские орехи? – показалось, что в голосе незнакомца прорезалось удивление. Но такое мимолётное, что угасло быстрее, чем я его поймала. – Жестоко. Весьма. В определённой концентрации их алкалоиды токсичны.

– Да знала б об этом – в глотку бы залила этой зелёной морде! – почти рывкнула я, снова поражаясь, как ловко меня провели. – Кто она вообще такая? Знала бы, кого обижает, не лезла б!

Холодный смешок иглой расковырял темноту. Настолько сухой, что мне снова стало не по себе.

– Ладно уж, – подытожил незнакомец. – Ты мне нравишься. Ты знаешь себе цену, хоть и сильно её завышаешь. Поле-

зай-ка под кровать!

– Что? – едва не проглотила язык вместе с гордостью.

Отдалённый хлопок двери отбил желание противоречить. А когда в коридоре снова забухали шаги и зазвенели цепи, я стрелой вылетела из-под одеяла и столь же стремительно нырнула в вязкую подкроватную темень. Грации мне было не занимать: по пути я разворотила аккуратную стопку книг, напоролась на какие-то пробирки и едва не разбила нос о большой деревянный ящик. М-да. Зачем этому чудному парню целая лаборатория под кроватью? С колбами, огнёвками и такими длинными металлическими штуковинами, похожими на фонарные столбы... Неужто учебных залов мало?

– И попробуй только шевельнись, – зловредно прошептал незнакомец, задраивая узкую полосу света простынёй.

Ждать пришлось недолго, но жалкие секунды показались такими тягучими и липкими, что зачесалось в носу. Пришлось зажать переносье пальцами, чтобы не чихнуть. Парадокс, но когда дверь отворилась, и прохлада шаловливым ветерком пронеслась по полу, я мысленно воздала хвалу Филлагории. Поскорее бы всё закончилось!

Ветерок принёс сиплый храп. Что уж там, притворялся мой новый союзник отменно.

Бум-дзынь! Шаги бухали совсем рядом. Сквозь дыру, прожжённую в простыне, я разглядела белый комендантский сапог. Сердце сделало кульбит и заколотилось так, что, казалось, вот-вот меня выдаст. Ух! Лишь бы рёбра не проломи-

ло...

Едва не вскрикнула, когда пружины надо мной заскрипели, а матрац вздулся пузырём прямо над головой.

– Видел девушку? – грубо произнёс комендант, и мурашки страха оттопырили каждый волосок.

– А? – зевнув, переспросил мой случайный союзник. Пружины снова застонали, и мне на голову посыпалась пыль. Но, несмотря на временные неудобства, я готова была расцеловать бедолагу за безупречную актёрскую игру и бескорыстие.

Хотя... про бескорыстие говорить пока рано.

– Девчонка тут не пробегала?

– Какая девчонка? – снова зевнул незнакомец.

– Ну, какие девчонки бывают? – протянул комендант. – Обычная глупая курица.

От возмущения я едва не провалилась сквозь пол и не улетела на ярус ниже. Рука чесалась пролезть сквозь дыру с прожжённой каёмкой по краю и схватить сапог неприятеля за цепь. Чтобы оземь грохнулся, как мешок с мусором!

– Глупую? Не видел, – раздалось в темноте.

– Хм... – тяжёлые сапоги прогромыхали мимо и замерли точно напротив дыры. – А это что такое?

Цепочки на сапогах снова лязгнули. А потом мутноватый лунный свет заслонила густая тень. Дыхание оборвалось, а пальцы предательски задрожали, отплясывая дикий танец на каменном полу. В довершение мне как никогда захотелось чихнуть.

Нас разделяла лишь простыня. Комендант склонился и стоял, согнувшись, прямо передо мной.

Глава 2

Парфина

Иллюстрация Елены Поповой

– Что это такое? – повторил комендант грозно.

Только бы не чихнуть! Только не сейчас, Филлагория! Я стиснула переносицу пальцами и проглотила застрявший в горле комок. Снова почудилось, что получилось слишком громко. А комендантов-то наших будто из самых дальних изоляторов понабрали. Сначала обозвал глупой курицей будущую великую магессу, а теперь – "это". Словно я не наследница великого рода, а бродяга-пропоица. Или вообще не живое существо.

За тонкой преградой простыни что-то зашуршало. Я зажмурилась, словно это могло меня спасти, и приготовилась гореть со стыда под чужим озлобленным взглядом. Так вот каково это – болтаться в шаге от отчисления...

– Книжки вот читаю, – сипло пробормотал незнакомец. – Отдайте. Она стоит целое состояние.

– Лишь бы не учиться! – что-то тяжёлое хлопнуло по кровати, раскачав многострадальный матрас и присыпав меня пылью ещё сильнее.

– Так я учусь, – возразил парень. – Алхимия, философия, эмпатия, наука разума. Смотрите заголовки. А если в темноте подводит зрение, нужно заказать себе окуляры.

Интересно. Эмпатия не входит ни в одну из программ, ведь факультет менталистов оптимизировали ещё два года назад, признав нерентабельным! Так значит, странный тип ещё и душила. Если я и видела его в Академии, то наверняка внимания не обратила. Что может быть скучнее, чем высокопарная морда, уткнувшаяся в книгу?

– Дерзость здесь наказуема, ибрес.

– Да, – отозвался незнакомец. – Я вам хотел сказать то же самое.

Я аж палец прикусила от удивления. Смельчак, однако! Не лыком шит!

– Учились б лучше этикету, ибрес!

– Я собирался хорошенько отоспаться перед семинаром, – заметил парень. – Вы – искать какую-то глупую курицу, что рыщет по башне. Давайте каждый займётся своим делом.

– И будь уверен, ибрес Вирго, – сапоги загромыхали к двери, – поутру доложу о твоём хамстве куратору. Каждому слову нужно знать цену.

Вирго? Хм... это имя или фамилия? Одно понятно точно: не видывала таких. Должно быть, вправду стандартный душный заучка.

– Я о-очень испугался, – нараспев отозвался парень. – Вы, наверное, это хотели услышать?

Снова вступать в полемику комендант не стал. Видно, не хотел показаться тупым, как курица. А жаль: у него были все шансы.

После того, как дверь бухнула о косяк, волна воздуха колыхнула простынь, а комендантские сапоги загромыхали по коридору дальше, я ещё с минуту лежала пластом и не верила своему счастью. Филлагория, наконец-то мне повезло! Наверное, я и заснула бы тут, среди склянок, формул и огнёвок, если бы Вирго (а всё-таки, имя это или фамилия?) не отдёргнул простынь и не сунулся под кровать.

– Ты ещё долго там собралась прозябать?

– Пока с яруса не уйдёт, – обронила я.

– Гиблое дело, – отрезал парень. – Он на ярусе, и его поведение предсказуемо, а вот за его пределами...

Он сипло хохотнул. Пробирки зазвенели стеклянной пустотой, вторя хозяину. Здесь всё было пропитано им, словно пирог сладким ликёром. Даже воздух, которым я дышала. А пах мой новый друг для душилилы весьма и весьма сносно...

– Отойдёт на три двери, – произнёс Вирго, как заговорщик, – проникнет в комнату – тогда и беги. Изнутри он не услышит шагов. А у тебя будет несколько секунд, чтобы добраться до лестницы. Там уже несись во весь опор, и чтоб тут тебя больше не видели. Всё поняла?

Я кивнула в темноте.

– А теперь – вылезай, – продолжил Вирго. – Времени мало.

Распластавшись на животе, я ящерицей проползла по полу. И как только у меня получилось так быстро залезть в это скопище странного мусора? Может, магия открытия путей

просыпается?

Темнота очертила суховатую, но крепкую фигуру Вирго. Он сидел на кровати и протягивал мне руку, будто для дружеского рукопожатия. А я так изумилась его смелости, что сжала её. Слишком крепко: не как друг или случайная знакомая, но почти как любовница. Всё равно никто не узнает!

– Спасибо тебе, – прошептала я, – Вирго.

– Юдиас, – поправил он. – Терпеть не могу фамильярность, Лотта.

Я замерла от изумления, а пальцы, стискивающие его ладонь, сами собой разжались.

– Ну, что ты? – ровно проговорил Юдиас. – Только самый ленивый не знает имена адептов из могущественных династий. Подумать только, сегодня ты очутилась в моей постели!

– Очень хочется укоротить твой язык, – не удержалась я.

– Да не бойся ты, никому не скажу. И хватит уже на полу сидеть. Тебе пора.

Он поднялся и потащил меня за собой. Мрак, чуть разбавленный рассветом, выхватил его профиль. Строгие, несколько утончённые черты: вытянутое лицо, нос с едва заметной горбинкой, острые скулы. И вздыбленные надо лбом волнистые волосы. Юдиас оказался ниже меня ростом, но отчего-то я не хотела его отталкивать. То ли купилась на его обаяние и смелость, то ли во мне говорило слепое чувство благодарности.

"Бум-дзынь" – раскатилось по коридору где-то вдали. А потом тишину прорезал едва уловимый скрип.

– Всё, беги! – прошептал Юдиас и подтолкнул меня к двери.

Я привалилась к косяку, холодная как мертвец от страха. Прислушалась. Пространство отвечало глубокой тишиной: казалось, что мышь пробежит – услышу.

– Беги же, – Юдиас подошёл ближе, вскинул ладонь, и неожиданно провёл по моей щеке, словно утирая слёзы. Его кожа поражала нежной мягкостью, словно он сжимал между пальцами косметическую губку.

Возмущение вскинуло голову: это что ещё за выходки? Я не давала ему права касаться меня! Неужели, как и любой недалёкий типок, принял за намёк моё благодарственное рукопожатие?!

Вот только яростью пришлось поперхнуться. Потому что времени не оставалось.

Никаких прощальных речей: пусть осознает, что повёл себя, как хам! Приоткрыв дверь на ладонь, я просочилась в прохладный, зловеще-тихий коридор и побежала на цыпочках туда, откуда явилась. Филлагория, вспомнить бы ещё, с какой стороны меня принесло!

Паника придавала ускорение, ярость – силы. Ноги стремительно отсчитывали шаги и метры. До лестницы я, слава Филлагории, добралась без эксцессов. Понеслась вниз на всём пару, стараясь не шуметь. Где-то на четвёртом яру-

се меня настиг отдалённый дверной хлопок. Но страх давно пропал. Я знала, что тупой куриц-комендант не выйдет с яруса, пока не прочешет все двери.

Переход между башнями пустовал, как выжженная степь. Здесь шаги казались тихими, будто шум поглощали стены, а дыхание – не таким сбитым. Пробежав в родные стены, я стрелой взлетела на четвёртый ярус. Пронеслась по привычному кругу, и...

Дверь родной комнаты была распахнута настежь, и из неё валила темень. У самого порога горбилась, морща зелёный нос, сонная Парфина. Рядом с нею гордо белела фигура второго коменданта...

– Вот она, – басовитый голосище Парфины взвился в воздух, который и без того сгустился и собирался закипеть.

Голова отчаянно соображала, но нужные мысли не шли. А если и заявляли о себе – стирались и таяли прежде, чем приходило осознание. Вариантов решения головоломки было, увы, не так много. Что мне оставалось? Опустить голову и повиноваться садистским фантазиям соседки по комнате? Признать неминуемое поражение? Вылететь из Академии: но не гордо уйти, а унести силой мощного подзадного пинка?

Да скорее небо разверзнется и все приспешники Филлагории падут на землю, чем Шарлотта из династии Энвиллан сломается от чьих-то глупых хотелок!

Что ж, придётся импровизировать.

— Как хорошо, что вы тут, — я закатила глаза и подлетела к женщине-коменданту. — Мне срочно нужен лекарь! Но я не могу нигде её отыскать.

— Что?!..

Собрав волю в кулак, я вцепилась отчаянной хваткой в её рукав. Да так мощно, что комендант вскрикнула и принялась меня отдирать, будто надоедливового котёнка. Парфина тихо прыснула. Ей нравилось наблюдать мои неуклюжие попытки спастись. Приятно смотреть, как твой враг тонет. Парфина не из тех, у кого хватит человечности (или орочности?) протянуть руку помощи, если всё зайдёт слишком далеко.

— Полегче, милая, — проговорила комендант с возмущением, но беззлобно. — Ты же знаешь, что ночью нельзя покидать комнаты?

— Конечно, знаю, — с придыханием заправской актрисы заявила я и на всякий случай распахнула глаза пошире. — Но мне срочно понадобился лекарь. Парфина угостила меня смузи из морских орехов, и у меня очень сильно заболел живот. А ещё меня вырвало. Целых два раза!

Внутри потеплело, как от стакана парного молока. Хороший ход, Лотта. Может быть, тебе даже поверят.

— Морские орехи? — комендант, нахмурившись, взглянула на Парфину.

— Хотите, дыхну?! — заломив руки, выщедила я.

— Врёт она всё, — отрезала Парфина бескомпромиссно. Но

её чёрные глаза беспомощно забежали. – Она просто убежала к Бимлингу!

– Это невозможно, – отрезала комендант. – Решением ректората Арзус Бимлинг сослан на восьмину домой вместе со своим... кхм, тотемом; его комната проходит санобработку от запаха.

Что? Выкусила, подлюга зеленокожая? Теперь уже радовалась я: пока тайно.

– Я не вру, гранна, – я снова потянула коменданта за рукав. – Клянусь вам! – и добавила на надрыве: – Я очень боюсь отчисления. Я не вышла бы из комнаты, если бы не думала, что вот-вот умру! Не говоря о том, что никогда не увлеклась бы дурно пахнущим ибресом!

– Позвольте, – комендант протиснулась в дверь. Достала из кармана пиджака крошечную маглумовую капсулу и раздавила между пальцами. Ночь разбавил дрожащий розоватый свет, похожий на сияние Фергазийского заката.

– Что за фокусы? – буркнула Парфина, злобно поглядывая на меня. От её взора внутри что-то оборвалось. Приятная теплота торжества улетучилась, на смену приполз царапающий страх. Я перегнула палку. Сильно перегнула...

Но отступать нельзя. Надо заочно отомстить за завтрашнюю разборку, что Парфина с подружками мне непременно устроят.

– Открывайте все шкафы, – скомандовала комендант. – Сумки – тоже. И покрывала с постелей стяните, будьте доб-

ры.

Парфина повиноваться не хотела. Но зато я готова была работать за двоих! Я носилась по комнате, открывая все дверцы, а едва заметила в отсеке для обуви банку с морскими орехами – вспомнила об образе больной. Вполне реалистично застонав, я согнулась и схватилась за живот.

– Запрещённые продукты, – с укором проговорила комендант, разглядывая баночку. – Что скажете в своё оправдание?

– Это не моё, – отрезала Парфина. – И я знать не знаю, что она в комнату таскает и откуда.

– Так ты же... – я изобразила святую невинность. – Ты же её принесла сама. Из комнаты Леоны Глаттон. И сказала, что у неё таких ещё много!

От слов, что сами собой выскочили изо рта, похолодела душа, а кожа покрылась колкими мурашками. Защищая свою задницу, я заложила не только Парфину, но и её подругу. Орчанки и раньше не особо меня жаловали: зеленокожий народ не любит аэрийцев, и мне пришлось убедиться в этом на собственной шкуре. А что теперь?.. Одна лишь Филлагория знает, увижу ли я завтра рассвет!

Но зато я доказала, что невиновна, и нарушение почти наверняка спустят мне с рук.

Что лучше: гарантированный вылет или драка, которая ещё неизвестно чьей победой завершится? Эх, пережить бы оставшиеся дни до Эссенса, проводить бездарную Парфи-

ну с подружайками в свободное плавание и... начать жить, как человек!

– Да эта пафосная штучка просто завралась! – Парфина гордо вскинула голову. Её взгляд мог убить.

– Можете проверить комнату адепки Глаттон, – ляпнула я, вбивая в крышку своего гроба последний гвоздь.

– Проверю, – отрезала комендант, забирая баночку. Парфина за её спиной стиснула губы в тонкую нить. – Не сомневайтесь. Прямо сейчас. И если вы, ибреса, не соврали, я доложу куратору о нарушении.

Комендант так впечатлилась находкой, что забыла уничтожить маглюмы и оставила нас в освещённой комнате. По-надеялась на наше благоразумие, видимо. Ха! Мне до благоразумия как на четвереньках до Аэрийского рубежа, а Парфине Враттах – и того дальше.

Хлопок двери ознаменовал мою приближающуюся кончину. Злобная ряха Парфины, что вмиг стала коричневатой-ржавой и засияла мелкими каплями испарины, это подтверждала.

Она надвигалась на меня, как грозовая туча на город, а я пятилась к стене, надеясь, что волею Филлагории стану невидимкой. Жалобный взгляд не помогал, неловкая улыбка – и подавно. Грозу не остановишь огородным пугалом, как ни изощрайся. Раскосые чёрные глаза Парфины раскидывали искры: казалось, что комната вот-вот воспламенится и выгорит дотла. Страх забурился внутри, как острый и горячий суп.

Мне ли не понимать, что разговор предстоит серьёзный?

Мне ли не понимать, что, возможно, не дадут и слова вставить?

Сделав по-орочьи стремительный рывок, Парфина навалилась на меня и вжала в стену. Лопатки ощутили холодный камень, а я и пикнуть не успела: лишь киселём сползла по стенке, беспомощно хватая ртом воздух. Пытаясь сопротивляться, наступила Парфине на ногу в надежде отдалить. Только той всё было по боку: кажется, и не почувствовала. Неудивительно: кожа у орков слоновья, весила соседка за центнер, а мышцы её были очень крепки. Она могла бы переломить меня пополам, но мучить ей нравилось больше, чем убивать.

– Слушай сюда, умница, – прогремел над головой грубый ледяной тон. Тонкая ткань сорочки затрещала, когда сильная рука схватила меня за шкуру и потащила вверх. – За жалобы отвечать будешь честью и репутацией. И будь уверена: мы попортим их куда сильнее, чем ты сейчас запятнала мне. Всё поняла?!

Я приоткрыла зажмуренные глаза, и зря. Злобный вертикальный зрачок пристально таранился прямо в лицо. Казалось, что этот взгляд разъедает меня, как щёлочь.

– Парфина! – я отчаянно вцепилась в плечи орчанки. – Но ведь это ты! Ты устроила этот дурацкий розыгрыш! Ты выставила меня душой! Думала, что я просто приму это и проглочу? Ты ошиблась!

– Ха-ха-ха, какие мы нежные! – хватка на миг ослабла, но лишь для того, чтобы через секунду сделаться сильнее. Черноглазый взгляд почти царапал лицо. Из-под тонкой губы Парфины показался белый и острый клык. Таким кожу вспороть – нечего делать. – Ну и тупые ж вы, аэрийцы. Запомни, орки ничего не делают от балды. Если ты получаешь, то заслуженно. Ты испортила мои белые тренировочные гамаши, за это и поплатилась!

– Но это ты заставила меня их стирать! – от одного воспоминания, как я полоскала в мыльной воде чужие штаны и не могла воспротивиться принуждению, стало стыдно. Всё, что я сообразила тогда предпринять, дабы не очернить позором своё доброе имя – уронить в тазик сапфирную синь.

– За то, что ты облила меня и мои конспекты соком гайвары! – ехидно отчеканила Парфина. – Харэ строить из себя святую невинность, гадкая моль! Во всём, как ни крути, виновата ты, тебе и отвечать!

– Орочья память так коротка? – усмехнулась я, нарываясь. – Перед тем, как я плеснула в тебя соком, ты наступила на мои лучшие туфли, и у одной из них сломался каблук!

– Ну я же нечаянно, это и дураку понятно!

– Если бы нечаянно, ты извинилась бы!

– Перед тобой?! – Парфина раскатисто захохотала. Показалось, что стены затряслись, подпевая ей. – Перед жалкой, лживой аэрийкой?! Да лучше уж я голышом по мужской башне пробегусь!

– Давай, беги, – подначила я. – Они посмеются. А, может, глядя на твою фигуру, даже и не заметят, что кто-то зашёл не в ту дверь...

Поджав губы, Парфина трянула рукой, отпуская мою сорочку. Я подалась назад и влетела в стену. Кожа прочувствовала каждый камушек жёсткой кладки, и я едва не взывала от боли. Но всё-таки нашла в себе силы поднять глаза и с укором посмотреть на обидчицу.

Парфина явно не собиралась заканчивать. Её щеки горели пятнами ржавчины, в глазах плясал сумасшедший блеск. Я слишком хорошо знала её ярость, чтобы упускать из виду. В таком состоянии она могла и дверь выбить, и клозет выкорчевать, и кроватью в окно запустить.

– А теперь... – сквозь зубы проговорила она, снова делая шаг ко мне.

Глава 3

Зелёная ладонь растопырила пальцы и стала похожа на огромного мясистого паука. А потом этот паук неожиданно прыгнул мне на шею, пригвоздив тело к кладке стены. Я даже пикнуть не успела. Короткие мгновения без воздуха растянулись резиной, превратились в часы и сложились в восьмины...

Внезапно Парфина убрала руку, отпуская меня. Не потребовалось даже судорожного вдоха: я лишь в недоумении потёрла шею там, куда впечатались крепкие ороczy когти.

– А теперь пора спать, – провозгласила Парфина и, смачно зевнув, поплелась к своей койке.

Непредсказуемость – вот самое страшное оружие. Она не даёт тебе расслабиться даже когда ты спишь и вынуждает быть начеку каждую секунду. Смотреть под ноги, оглядываться, когда идёшь по коридору; нюхать еду в попытке обнаружить незнакомый запах, трясти одежду перед тем, как надеть... Даже в клозет заглядывать прежде, чем присесть! Непредсказуемость – это про Парфину. Предугадать, куда заведёт её очередная выходка, невозможно.

А потому я считала последние дни до Эссенса. Ждала его с трепетом и волнением, как аэрийки ждут поцелуя Филлагории во время отбора невест для принца. Я даже завела себе календарь и каждый вечер вычёркивала числа крестиками. Эссенса боятся все, ибо этот экзамен в середине

первого курса определяет, кто останется в Академии и продолжит обучение, а кому суждено будет вернуться домой. Все, кроме меня. Я нисколько не сомневаюсь, что пройду испытание: мощный родовой поток – это вам не шутки. На пути к великому магическому будущему оставалась лишь одна преграда – ритуал активации.

Парфина Враттах же не походила на будущую магессу. Её мать трудилась простой извозчицей, а отец – дровосеком. Соваться в магическую Академию с её стороны было, мягко говоря, неумно, но кто ж будет отговаривать желающих? Таких неумных на первом курсе целый взвод! А всё оттого, что случалось, когда магия – пусть и слабая – после активации просыпалась и у безродных, давая им путь в высший ранг. И если в Аэрии из-за близости Источника магия одарила почти всех, и расслоение не ощущалось, то в Фергазии и Крушинбэе из-за социального неравенства гремели настоящие военные конфликты.

Каждый хочет лучшей жизни даже если понимает, что это невозможно.

– Ты всё равно вылетишь после Эссенсуса, – тихо проговорила я, уже когда сон дурманил голову, а тяжёлые веки наплывали на глаза. – Нечего вымещать свою зависть на других.

– Ты доживи сначала до Эссенсуса своего, – ответила в темноте Парфина. – Клык даю: вылетишь в ближайшие дни. И покатишься в свою Аэрию, как бублик.

Мне хватило ума замолчать. Уж я-то знала: они могут это устроить.

Утро выдалось на удивление спокойным, если не считать того, что я проспала. Когда я открыла глаза, до начала лекции оставалось двадцать минут. Но горевать не хотелось. Всё к лучшему: Парфина уже усвистала, и в моём распоряжении осталась вся комната и душ.

Вытряхнула из тапочек колючие семена гарповника, вытерла порожек туалетной комнаты, наспех обмазанный чем-то скользким... Времени катастрофически не хватало. Пришлось забыть о раскалённой хаконде и опрятной одежде. Да и о сушке головы – тоже. Скрутив влажные волосы в тугую жгут, я кое-как закрепила его на затылке. Натянула мягкое зелёное платье в пол, подкрасила губы амарантовым пигментом и с саркастической улыбкой оглядела отражение в зеркале. О, Филлагория: я будто только что из-под кровати вылезла у этого... как его там?

"Юдиас", – шепнула память. Послушно нарисовала запах лаванды и жасмина, очертания острых скул, всклокоченные волосы и едва заметную горбинку на носу. И щекочущее прикосновение к щеке: непонятное, необъяснимое и пугающее. Темнота исказила черты его лица, не позволив запомнить. Словно специально спрятала от меня, чтобы ночь безумий осталась нашей общей тайной. Интересно, узнаю ли я его среди адептов?

Но он-то меня помнит. И наверняка наблюдал за мной на лекциях. И – как пить дать – будет таращиться сегодня, ловя каждое движение. От этой догадки стало волнительно и тревожно. Захотелось закопать голову в песок, как Крушинбэйский долгоног, и не вытаскивать обратно. Бывает такое странное чувство: то ли хочу видеть, то ли не хочу, то ли и то, и другое.

Волнение улетучилось, едва я переступила порог лекционного зала. Успела! Воздух трещал голосами адептов, почти разрываясь. Пустовали только первые столы, под самой кафедрой: никому не хотелось сидеть на виду у профессора Ламио. Мысленно поблагодарив Филлагорию за то, что не дала мне опоздать, я выбрала себе крайнее место слева, оставив пустоту по центру кому-то менее секущему в тайм менеджменте.

Парфину я заметила почти сразу: в седьмом ряду, в компании бессменных подружек-орчанок: Леоны и Брит. Писать лекцию они явно не собирались: разговоры были куда интереснее! Леона, чьё имя я вчера на свою голову упомянула всуе, походила на отжатую половую тряпку. Увидев её сведённую монобровь и сморщенную авокадину носа я порадовалась, что мне досталось место впереди. Дверь ближе, толпа не будет мешать трусливо улепётывать. Главное – не забыть рвануть сразу после звонка!

К счастью, орчанки из гордого трио или не увидели меня, или усердно делали вид, что до такой шмакодявки им нет де-

ла. Я позволила себе спокойно выдохнуть, но предательские мурашки поползли по плечам, укутывая спину. Всё равно нужно быть начеку: мне ли не знать, какие уловки способна изобретать Парфина! Повезло ж попасть в одну комнату с этим исчадием низших и стать её подопытной мышкой!

Пытаясь не привлекать внимания, я ссутулила спину и опустила голову, будто воровка, только что стянувшая чью-то сдачу. Лес голов во втором ряду спрятал меня от Парфины с подругами. Филлагория, сделала б ты так, чтобы они меня вообще забыли! Ну, или чтоб хотя бы не заметили. Могла бы я в стол врасти – выросла бы, ни секунды не мешкая. Кто знает, возможно, родиться древесным грибом даже лучше, чем мной.

– Адепты в сборе? – над залом раскатился басовитый голос, и к кафедре, перекатываясь огромным мячом, подплыл профессор базовой теории магии. Необъятный, как боевой фаерболл и мрачный, как грозовая туча. – Начинаем просвещаться?

Толпу всколыхнула волна покорных кивков. Профессора Ламио боялись все: от скромных заучек до Парфины и ко. Страх внушали не только его габариты, сравнимые с китовыми, и пуговицы пиджака, не сходящие на объёмном животе, но и переменчивый нрав. Он умел быть непредсказуемым, как Парфина. На лекциях Ламио казался спокойным и дружелюбным, и эта маскировка работала отменно. Но лишь ленивый не знал, что коварный профессор запоминал в лицо

всех присутствующих. И горе тому, кто осмеливался пропустить его лекцию! Говаривали, что адепты из-за пары прогулов получали недопуск к Эссенсусу с невозможностью отработки.

– Извините!

Дверь аудитории хлопнула. и стоячий воздух расколыхал топот ног. Две крошечные эльфийки, похожие друг на друга, как сёстры, просеменили на цыпочках к свободным местам под самой кафедрой. Достали из крошечных рюкзачков такие же крошечные аккуратные тетрадки и уставились на профессора с одинаковым неискренним обожанием.

– Ни за что не прощу, – с усмешкой прокомментировал Ламио, когда возня прекратилась. Знать бы ещё, как расценивать эту фразу: как шутку или как угрозу. Одно я понимала точно: он запомнил лица этих двоих и сам решит, как использовать эту информацию. Как же я радовалась, что опередила их на целую минуту! Заставлять злиться Ламио мне ещё не доводилось, да и не хотелось.

– Вот паразит разожравшийся! Настоящий драный хряк! – стрелой прорвался с задних рядов задорный девичий голосок. Следом посыпались задавленные смешки.

– Я тоже люблю вас, ибреса Слоттер, – прокомментировал Ламио и невозмутимо улыбнулся.

Быть Адель Слоттер хорошо. Очень хорошо. Ибо ей прощается всё. Совершенно всё: от бранных фраз среди лекции до диких танцев в коридоре после отбоя. В чём причина –

никто не знал: может быть, в самом остром и глубоком уме на курсе, а, может, просто её родители были баснословно богаты... От дикой и непредсказуемой Адель шарахались, как от прокажённой. Должно быть, и в комнате с нею никто не жил...

– Тема сегодняшней лекции, – Ламио сердито подбоченился, и за его спиной развернулся огромный экран с конспектом, – ментальная магия.

– Чушь! – заголосила Адель. Её словам вторил громкий стук, но я даже повернуться боялась. – Чушь! Чушь! Чушь!

– Ментальный магический поток воздействует на рассудок жертвы, кратковременно изменяя её эмоциональные и волевые характеристики, – продолжал Ламио, не обращая внимания. – В силах ментального мага заставить жертву исполнять определённые указания, чувствовать боль или наносить себе урон. Однако, такая роскошь доступна не всем: лишь сотая часть одарённых магией фергазийцев может похвалиться ментальным потоком. Вы знаете, что наш факультет менталистов был оптимизирован именно по этой причине: невостребованность. Среди населения Аэрии процент ментальных магов несколько выше, но всё равно остаётся ничтожно низким...

Возня откуда-то слева на мгновение прервала речь Ламио. Я осторожно повернулась на звук. Одна из крошечных эльфиек таранилась в пустоту перед собой, сминала в кулачке тетрадную обложку и беспомощно хватала ртом воздух.

– Эй, – я опустила голову на стол, прикрывшись тетрадь, и попыталась привлечь её внимание. – Тебе плохо?

Голос пролетел через проход, едва не зацепив Ламио, но того, кажется, слишком увлекла лекция. Он фанатично расставлял на экране с конспектом цветные кружочки, что должны были обозначать разные типы магических потоков. И слава Филлагории.

Эльфийка осторожно повернулась в мою сторону и мотнула головой, раскидав по плечам платиновые волосы.

– Всё в порядке.

Её ответ совсем не походил на правду: фальшивое обожание в вытаращенных глазах сменил неподдельный страх. Она походила на лань, загнанную волками: будто ждала смерти или чего-то хуже.

– Поднимите руки, – профессор Ламио выступил вперёд, и я снова сделала вид, что записываю его глубокомысленные умоизречения, – те адепты, у кого в роду были ментальные маги.

Две робкие ручонки вынырнули из толпы. Одна из них принадлежала Адель.

– Вот и наглядное подтверждение статистическим данным, – прокомментировал профессор с лёгкой издёвкой в голосе. – А теперь рассмотрим взаимодействие ментального потока с другими...

– Хряк! Хряк! Хряк! – конечно же, это снова высказалась Адель.

Бум! Что-то, шелестя страницами, рухнуло на пол. Я вздрогнула и инстинктивно повернулась. Кто бы мог подумать: всё та же эльфийка... Её тонкие руки ходили ходуном, выписывая на столе странный танец и скидывая на пол перья. Бедняга не только не успокоилась, но и начала кусать губы, оставляя на кромке багровые отметины. И паника, кажется, передавалась её подруге...

– Ты... что? – я снова попыталась её окликнуть, но на этот раз эльфийку так захватили эмоции, что не удостоила меня даже самого надменного взгляда.

Пару секунд спустя тишину растревожил надсадный, клочущий кашель, почти перетекающий в рвотный порыв. Кашляла вторая эльфийка. Стиснув ладошками шею, она таращила глазницы, будто пытаясь рассмотреть в воздухе что-то важное.

– Современная алхимия способна частично имитировать магию ментального потока, – продолжал профессор, не замечая переполоха под самым носом. – Но, увы, не может...

Хрясть! Вторая эльфийка, всё ещё кашляя, рухнула на лавку и замолотила ногами, будто в припадке падучей.

Ну уж нет! Такое терпеть нельзя.

– Профессор Ламио! – я поднялась с места, уже не думая, разозлю ли его, привлеку ли внимание Парфины и допустят ли меня к Эссенсусу. – Адепткам нехорошо!

– Лекцию сорвать решили? – невозмутимо отозвался Ламио. – Я вас всех насквозь вижу!

– Да нет же! Взгляните сами!

Словно вторя моим словам, одна из подружек-эльфиек со-
рвалась с места. Её глаза выражали такой искренний ужас,
что мне самой захотелось немедленно унести из зала, лишь
бы не видеть этот кошмар. Повизгивая и размахивая руками,
эльфийка ринулась прочь. Описав зигзаг перед кафедрой и
едва не задев профессора, как слепыш влетела в стену и рух-
нула на задницу. И продолжила свой путь к двери ползком:
да так резво, что кто-то с заднего ряда отпустил нахальный
восхищённый возглас.

– Лентяйки, – голос профессора звучал возмущённо. –
Ваш актёрский талант безупречен, но меня вы с толку не со-
бьёте. Лекции быть.

В тот же миг вторая эльфийка грохнулась с лавки на
пол. Тут же выкатилась из-под стола, собирая голубым бар-
хатным платьем пыль, бодро вскочила на четвереньки и с
неистовой скоростью поковыляла к выходу. Её коленки так
забавно стукали о лакированный паркет, что она собрала це-
лую феерию смешков. Кто-то даже заплодировал.

– Вы конспекты забыли, – надменно бросил ей вслед Ла-
мио, и не думая поддерживать всеобщее веселье. – А рюкза-
ки теперь ищите в ректорате.

Дверь захлопнулась, зажав между створками лоскут го-
лубого бархата, и над нашими головами повисла разъедаю-
щая тишина. Громкая и напряжённая, пропитанная страхом
и недоумением. Каждый переживал произошедшее по-свое-

му.

– Продолжим...

– Гранн Ламио, – снова попыталась выступить я. То, что я увидела, не укладывалось в голове настолько, что гнев профессора казался теперь чем-то обыденным. – Им и впрямь было плохо!

– Да, – поддержал меня со второго ряда огненный маг Ирвин Ластли. – Вы видели их глаза? Или как они тряслись?

Лицо профессора застыло тяжёлой каменной маской: одно движение – и рассыплется на песчинки.

– Наивные, – отчеканил Ламио неподвижным ртом. Сальный взор блуждал по моему лицу, и я знала: запоминает. И отомстит. Непременно. – Если бы им было плохо, они бы подошли ко мне и отпросились с лекции. Не стоит принимать глупые розыгрыши за чистую монету.

– Но вы же сами понимаете, что сначала всё было нормально! – сам собой выпалил мой язык – враг мой.

– Энвиллан! Ластли! – В голосе Ламио прорезались стальные нотки. – Вы считаете себя умнее меня? Если думаете, что правы, можете выйти из аудитории и проверить. И помочь ибресам, коли это требуется. Только учтите: сюда вы больше не вернётесь. Ни в этот раз, ни в следующий.

За грудиной похолодело. Ледяные щупальца страха вырвались из самого сердца и проросли насквозь, спутав око-вами руки и ноги. Внутри я разрывалась на части: одна отчаянно хотела плюнуть на всё и побежать следом за эльфий-

ками, вторая – просто остаться на плаву, не наживая себе лишних проблем. Какая же одержит верх?

Какой же нужно быть глупой и нерасторопной, чтобы так обратить на себя внимание! О, Филлагория! Ну, за что!

– Простите, профессор, – заглушив порыв благородства, во мне заголосила позорная трусость. Стало противно и мерзко от самой себя: до дрожи и испарины на лбу. Будто не я цедила эти слова. – Я была неправа. Ваши слова показали мне истину, в неё и верю.

Ламио снисходительно улыбнулся, почесал толстый живот, и недвижимая маска осыпалась с его лица:

– Так-то лучше. Если позволите, высокочтимая ибреса Энвиллан, мы продолжим лекцию.

Слова профессора летели мимо ушей, как острые кинжалы. Постукивая самописцем, я делала вид, что записываю его изречения, на самом же деле бездумно выводила в тетради каракули и загогулилки. Я больше не верила ни одному его слову. Клочок голубого бархата, вымазанного пылью, что застрял в двери, не давал усомниться в моей правоте. Случилось что-то страшное. Что-то, выходящее за рамки моего понимания. И отчего-то я остро ощущала свою причастность к этому.

Однако о последнем, что было мне необходимо – ретироваться, едва звонок подаст голос – я помнила чётко. Когда часы над демонстрационным экраном замерли в пяти минутах от полного круга, все мышцы напряглись и стали камен-

ными. Подо мной скрутилась огромная пружина, готовая в любой миг разжаться и толкнуть к спасительным дверям. Но едва пространство завибрировало от гулко-го звона, и Ламио, погасив экран и прихватив рюкзаки бедных эльфиек, отправился восвояси, я окаменела. Не иначе как Филлагория оценила моё стремление стать древесным грибом и попыталась его воплотить.

Так, Лотта. Спокойно. Не дай панике себя потопить. Просто разогни ноги и сделай шаг. Ещё, ещё... Отлично! Я пошатнулась и влилась в толпу адептов, втайне надеясь, что Парфина и думать обо мне забыла. Шаг. Ещё...

На плечо неожиданно легла чья-то рука. Пальцы впились в кожу, словно намереваясь её проткнуть.

– Сбежать надеялась, аэрийская штучка? – ударил в висок знакомый голос.

Глава 4

Оливер Вандергейт. Иллюстрация Елены Поповой.

– Не выйдет, – подытожил голос.

Незримый враг оскалился, уткнувшись в плечо, и по стойкому аромату тыквенного дезодоранта я распознала Парфину. Кто б знал, как меня трясёт от этого сладковато-морозного запаха, что въелся даже в занавески в комнате! Он походит на вонь отсека для мусора в кухонном коридоре: такой же прилипчивый и брезгливый. Но Парфина считала иначе: впрочем, я давно убедилась, что вкусы этой больной убодины весьма специфичны. Зеленокожая, прознав мою слабость, во всю пользовалась мнимым преимуществом. Вот и сейчас, когда знакомый аромат коконом окутал плечи, безнадёга царапнула сердце, заверив, что я не уйду отсюда живой.

Но кто я, если просто так сдамся?

Стараясь держать невозмутимую мину – совсем как у профессора Ламио – я резким движением скинула руку Парфины с плеча. Та, ойкнув от неожиданности, отступила, но радоваться было рано.

Я с трудом сосредоточилась. Страх стал моей реактивной силой и петардой в пятой точке. Ступор исчез, освободив место чистой энергии. Рванув вперёд, я вмазалась в толпу и почти позволила ей дотащить себя до двери. Но разочарование пряталось в жалком метре от спасения. Не дойдя до порога, я уткнулась в квадратную морду Брит. Уткнулась и

открыла рот, удивляясь, как эти трое смогли меня перехитрить. Всё же три тупые головы – даже орочьих – лучше, чем одна среднестатистическая.

Сощуренные карие глаза с вызовом зыркнули на меня:

– погоди, Энвиллан. Мы ещё не поговорили.

Сильные руки толкнули назад, не дав и слова вымолвить. В отчаянии я замотала головой. Спасительная толпа осталась на недостижимом расстоянии. Никому не было до меня дела. Кого-то, как и Парфину, грызла зависть к адептам могучих кланов, кто-то всегда и во всём винил жертву, кто-то ненавидел аэрийцев, а кто-то просто боялся орков с их жёстким нравом, предпочитая не связываться лишний раз. Множество факторов, чтобы оправдать свою трусость.

– А ну, не рыпайся! – рывкнула Брит, снова толкая меня в грудь. Едва не потеряв равновесие, я подалась назад и тут же оказалась в тёплых объятиях Парфины и Леоны.

– Сюда, – по-хозяйски скомандовала Парфина, прижимая меня спиной к столу перед кафедрой: тому самому, за которым сидели злосчастные эльфийки. Убедившись, что лекционный зал опустел, и я не убегу, она обошла меня и нахально ухмыльнулась в лицо. – Тебе не кажется, аэрийское чудовище, что ты должна пояснить нам кое-что?

– Чудовище тут явно не я, – выпалила в ответ. Получилось жалко: как мяуканье голодного и замёрзшего котёнка. Лучше б вообще не получалось.

– Орехов тебе мало было? – вмешалась Леоны, выплывая

вперёд. Для орчанки она выглядела весьма сносно и мягко, и её даже можно было бы назвать красавицей, если бы не две спорные особенности: коронная монобровь и огромный вес. – Я могу поделиться. В следующий раз накормлю тебя так, что ты мать родную не узнаешь!

– Почему в следующий раз? – запрыгала Брит. – Можно и сейчас!

– Ага, – поддакнула Парфина, выпуская косую ухмылку.

– Сама их сожри, – рывкнула я и подалась вперёд, но три пары зелёных рук тут же толкнули обратно к столу. Острый край ударил по пояснице, и я едва сдержала вой. Бедные почки! – Я запрещёнными веществами не балуюсь, в отличие от некоторых.

– Не балуется она, – захохотала Парфина и, навалившись на меня, заставила моё тело выгнуться. – Смотрите-ка! А вчера смузи только так глушила!

– Так ты в него сока глибби налила! – парировала я.

– Ну-ка, доставай орехи, Леона, я ей сама их в глотку за-толкаю! – рывкнула Парфина.

Застучали тяжёлые деревянные пуговицы на сумке. Что-то громко булькнуло, но я так и не поняла, что: мою голову крепко зафиксировали ладонями Брит и Парфина, и перед глазами повис потолок. Я дёргалась и вырывалась, но мои попытки неизбежно сходили на нет. А когда глаза заволокли туман непролитых слёз, в дымном мареве передо мной возникла огромная фигура Леоны. Выставив вперёд мясистую

ладонь, она поднесла её к моему рту. В нос пробрался кислотавый запах, и я разглядела три крупных морских ореха в размягчённой скорлупе.

– Сама сожрёшь? – пробасила она. – Или помочь?

– Да что ты спрашиваешь-то?! – перебила её Парфина. – Благородная, типа? Пихай ей в рот!

Не сказать, что мне было страшно, когда толстые пальцы разомкнули мои губы и стали продираться сквозь ряд зубов. Скорее, мерзко от собственного бессилия и невозможности ничего изменить. Меня ломали. В шесть рук и в три не слишком умные головы. Мне нечего было им противопоставить. В конце концов, после долгого сопротивления, Парфина силой отвела мою челюсть вниз, и три морских ореха ошпарили кислотой язык. И что мне оставалось делать, кроме как прожевать их и проглотить? В одном лишь я видела плюс: дурманящее забвение намного лучше, чем осознание слабости и никчёмности.

– Ещё, – скомандовала Парфина, когда я проглотила вяжущую мякоть. Показалось, что глотка спалась и слиплась. Перед глазами ещё не плыло, и у меня хватало ума, чтобы осознать: через двадцать минут я буду лежать здесь ничком и, возможно, в луже.

– Да она ж портянки откинет! – прогудела Леона. – Смотри, какая тощая! Хватит!

– Да ладно, проспится и всё! – с издёвкой выцедила Парфина.

– Слушайте, – начала было Брит, но её речь прервал оглушительный сиплый кашель. Брит громко вздохнула и проморгалась. – Что-то не то.

– Что не то? – тут же всполошилась Парфина.

– Не так что-то, – я с облегчением ощутила, как мощные ручищи, сдавливающие затылок, ослабляют хватку. Брит отшатнулась от меня, как от раскалённого котла. – Мне как-то странно.

– Да как странно-то?!

– О, Великая Орочья Мать, – Брит снова закашлялась, схватилась руками за шею и согнулась пополам. Дерзкие глаза внезапно атаковал неподдельный ужас. – Надо бежать. Это просто жуть какая-то!

– Ну и беги, если ты трусиха, – отрезала Парфина и расхохоталась. Капельки слюны полетели на кожу, и меня передёрнуло от брезгливости. – Можешь даже покаяться. Мы и вдвоём с этой шмакодявкой справимся.

На зелёных скулах Брит выступила роса коричневого румянца. В следующий миг она попятилась, глядя в пустое пространство перед собой, и, спотыкаясь, понеслась к двери. Я даже расхохоталась: ради такого зрелища стоило и потерпеть! Какой раскол в орочьем кругу! Брит трусливо улепетала и кинула подружек, как самая настоящая предательница! Филлагория, ты знаешь, чем удивить!

– А ну, не смейся! – рявкнула Парфина и повернулась к растерянной Леоне. – Давай ещё орехи!

– Не нравится мне всё это, – проговорила Леона в ответ уже без былой уверенности и выронила открытую банку. Стекло громко звякнуло, разбиваясь, и розоватые шарики весело раскатились по аудитории. Голос Леоны стремительно терял темп и громкость. – Страшно-но...

– Что ты сказала?!

– Страшно, – руки Леоны задрожали, и она лениво отступила, раздавив туфлей морской орех. – Удушье какое-то, сердце колотится... Я, пожалуй, пойду, Парфина.

– Да вы что? – лицо Парфины покрылось коричневыми пятнами, как сковорода ржавчиной. – Сговорились типа?!

– Я не знаю, – Леона закусила губу. Её лицо выражало такую вселенскую печаль, что впору было расплакаться. – Правда, не знаю, что со мной... Это не из-за тебя, я правда хотела наказать Энвиллан... Я просто...

– Ибресы, что здесь происходит?! – неожиданно окутал пространство знакомый голос, и он стал самой сладкой музыкой в моей жизни.

– Что происходит? – повторил голос негромко, но уверенно.

Хватка Парфины ослабла, и я смогла наклониться. Тошнота подступила к горлу. В животе предательски заурчало: морским орехам крайне не нравилось моё общество.

– Я пойду, – донёсся голос Леоны. Настолько жалкий и затравленный, что я непременно позлорадствовала бы, кабы

силы были.

– В ректорат, я полагаю? – отозвался мой спаситель. – Правильное решение. Тебя, Леона, там с самого утра ждут.

– Куда-куда? – переспросила Леона неуверенно.

– Ты не ослышалась, а я дважды не повторяю. Не забудь Парфину. Брит, кстати, тоже ждёт вас за дверью. Только её под зелены рученьки доведите: заклятие лишения воли, знаете ли, ещё около часа действовать будет.

Преодолевая стыд и страх, я разогнулась. Лучше б не разгибалась, собственно. Ведь Леону отчитывал... сам гранн Оливер Вандергейт. Коренной крушинбэец в двадцать первом поколении, доцент науки разума, самый отъявленный менталист Академии и просто принципиальная морда. В общем, тот, чьей всемогущей длани в деле о запрещённой провизии больше всего не хватало.

Интересно, кого в ректорате дёрнуло назначить его куратором первокурсников?

Если б морские орехи не одурманили меня, я бы томно вздохнула, цокнула языком и закатила глаза. Вот уж испытаний Филлагория наготовила! Такие, как Вандергейт, непробиваемы: ни улыбкой не задобришь, ни силой не сломишь, ни логическими доводами не проймёшь... Он из тех, которые один в поле воин, и вовсе не болен. Он, как пить дать, докажет, что орехи сами выскочили из банки и запрыгнули мне в рот. Если чёрная полоса началась, значит она началась, и искать белые пятна бессмысленно.

Спокойно, Лотта, спокойно. Наказание не страшно. Главное не оконфузиться. Не упасть при враге в лужу собственной рвоты, а то и во что похуже... Впрочем, если организм начнёт очищаться от морских орехов при Вандергейте, это станет гораздо более серьёзным испытанием на прочность. Не каждая сможет дожить до Эссенсуса, зная, что строгий куратор видел её в состоянии нестояния, недержания и несварения.

– Гранн Вандергейт! – отчеканила Парфина. – Выслушайте! Всё дело в гадкой аэрийке!

– Неправда, – проговорила я заплетающимся языком, на всякий случай сделав жалобную моську. А вдруг проймёт?!

– "Воронье гнездо" – политически нейтральная территория, – спокойно ответил Вандергейт. – Пока вы в этих стенах, у вас нет ни народности, ни расы. Я не понимаю, что такое "гадкая аэрийка"!

– Она принесла на лекцию, – Парфина ткнула в меня жирным пальцем, шмыгнула носом и отчего-то задрожала. Взгляд её сделался бегающим и рассеянным, – морские орехи! Морски-и-ие... орехи... Представляете, гранн?

– Представляю, – ответил Вандергейт и невозмутимо отбросил за плечо пепельные волосы, стянутые в низкий хвост, – что кое-кто очень хорошо врёт.

Парфина шумно вздохнула, будто ей не хватало воздуха, обхватила себя ручищами и продолжила, дрожа:

– Да. Лотта та ещё врушка... Мы хотели отобрать у неё

орехи, чтобы...

– Чтобы что? – переспросил Вандергейт.

– Чтобы она, – вмешалась Леона. Она трепетала будто иссохший лист, подхваченный ветром, – не причинила вред сама себе. А то-о... эти аэрийки... знаете... жрут всё подряд, а потом в клозе-е-ет не прорвёшься...

– Неправда, – повторила я слабеющим голосом.

– Ведь прямо тут жрать начала, – перебила Парфина, пытаясь обуздать трясущиеся ручки. – Прямо при нас. Не успела... с лекции выйти...

– Неправда, – в третий раз произнесла я. Несмотря на то, что реальность упрямо начинала качаться перед глазами, ощущала я себя более вменяемой, нежели запаниковавшие на ровном месте Парфина и Леона.

– Дадим высказаться и второй стороне, – Вандергейт подошёл ко мне, закрыв мощной тенью. Пахнуло бергамотом, сухими листьями и пряными древесными нотами. – Какие сказки ты расскажешь, Лотта?

– Они силой затолкали в меня эти орехи! – выцедила я, с трудом справляясь с непослушным языком. – Всё потому, что вчера я... Вче-ра...

Колени предательски подогнулись, и я едва не опрокинулась на Вандергейта. Неловко расставила руки, чтобы удержать равновесие, и качнулась назад.

– Вчера? – непроницаемо произнёс Вандергейт, пристально глядя в мои затуманенные глаза. Показалось, что в его

зрчках мелькнуло что-то человеческое.

– Я заложила их коменданту, – выговорила из последних сил. Во рту копилась мерзкая слюна. – За то, что жестоко меня разыграли!

– Она сама, – басовито сообщила Парфина. Её уверенности и боевого настроения как ни бывало. – Сама... в мужскую... ба-а-ашню... К Бим-лингу... У него большо-о-ой тотем...

– Эти аэрийки, – добавила Леона тихо, – вечно прыгают в чужие... постели... И, – жалобно, будто заяц, спасающийся от лисы, – можно мы уже пойдём?

– Нужно, – Вандергейт снисходительно обернулся. – Дорогу, надеюсь, помните?

Орчанки затравленно закивали и синхронно попятились, смешно столкнувшись задницами в проходе.

Дверь лекционного зала хлопнула. В огромном пространстве остались только я и Вандергейт. Всё всегда происходит вовремя, как говаривала моя бабуля. Потому что едва сбивчивые шаги Парфины и Леоны стихли, меня вытошнило на ботинки куратора.

Глава 5

Вандергейт не разразился отборными ругательствами. Не скривил лицо брезгливой гримасой. И даже не отшатнулся. Лишь с долей досады оглядел заляпанные рвотой ботинки и оторочку брюк, а потом скомандовал:

– Иди за мной, Лотта. – И тише: – Здесь опасно, пахнет страхом.

Я чуть подалась вперёд. Ноги задрожали, угрожая уронить тело.

– Быстро. – Голос его набрал громкость. – Очень быстро. Кому говорю?

– Не могу-у-у, – жалобно провыла я, сделав пару шагов и чуть было не угодив в объятия обалдевшего гранна.

– Не хочешь проваливаться в постели до самого Эссенсуса – пойдёшь!

Он почти вытолкнул меня в холл. Голову туманило, а взор застилала дрожащая тёмная пелена. Не к добру это, ой, не к добру! И угораздило же меня связаться с Парфиной и её подружками!

Сквозь плотный кокон забытья я ощущала ладонь Вандергейта на плече. Она настойчиво толкала вперёд сквозь коридоры Академии. Краем глаза я ловила смазанные картинки. Серая мозаика академической башни, зеркальные своды перехода и моё распухшее и зелёное, почти как у орчанки, лицо в отражении... Да уж. Морские орехи – это не дурман

ягодный, никакого тебе здорового румянца и сияния томных глаз.

Повернув налево, мы поднялись на четыре яруса по лестнице – клянусь, я никогда ничего тяжелее не делала – и назад побежали стены с незнакомыми бежевыми гравюрами. Я ни разу не была тут.

Мурашки поползли по коже, а ладони похолодели от страха. Выходит, мы в башне преподавательского состава, и Вандергейт, воспользовавшись моей беспомощностью, тащит меня к себе, чтобы проводить на мне жуткие ментальные эксперименты?!

В тихом омуте?!

Из горла вырвался сдавленный рык.

– Не стыдись, – подбодрил Вандергейт монотонным голосом. – Все мы совершали что-то плохое.

Мысли о запретном, которые непременно постучались бы в голову, будь на месте Вандергейта кто-то другой, даже не проклюнулись. Гранн Оливер нёс себя гордо, как король Аэрийский, и от него всегда приятно пахло, но все в Академии знали, что работу он любит намного сильнее женщин. Он не носил ритуальный браслет на запястье. Не поворачивал голову, когда мимо, виляя бёдрами, проходила очередная красавица, что не завалила Эссенсус лишь благодаря лощёному личику. Не показывался в женской компании. Не покупался на улыбки и неоднозначные взгляды... Ах, ну да ладно!

Так что же плохое он имел в виду?!

Попыталась возмутиться – не тут-то было! Язык едва коснулся нёба, и из горла полилось нечленораздельное мычание.

– Ещё немного, – проговорил Вандергейт, и я сдалась. Возмущаться уже не хотелось, бояться – тем более. Морские орехи быстро и верно похищали волю к сопротивлению. И возможность спастись.

Я поняла, что всё идёт не по плану, лишь когда колени больно стукнулись о пол, крепкая рука ухватила волосы, пытаясь удержать голову, а у самого лица возник белый круг клозета.

– Не засыпать. Поняла, Лотта? Пока все орехи не останутся здесь, спать нельзя!

Я попыталась кивнуть, но лишь стукнулась подбородком о клозетный обод. Отвращение закипело внутри. Горло послушно исторгло пережёванные орехи вместе с премерзкой кислятиной, и я протяжно завывала. Фаянс раздул звук, преумножая. И подтверждая, что от такого позора ибрене Шарлотте Энвиллан вовек не отмыться!

Желудок скрутило, и новая порция пережёванных орехов полетела в трубу.

Коварные низшие! Лучше уж провалиться в постели до Эссенсуса и худо-бедно пройти испытания, чем заработать отчисление за неявку из-за того, что стыдно!

– Пей, – сильные руки подняли мой подбородок. В дымном мареве слёз едва разглядела лицо Вандергейта. Достопочтенный гранн нагло совал мне под нос склянку с вонючей

жидкостью. – Рвотный корень.

– Нет, – О, Филлагория! У меня хватило сил это сказать!

– Выпей, – повторил тихо, но настойчиво. Настолько твёрдо, что и ежу стало бы понятно: не проглочу по доброй воле – зальёт силой. – И поскорее. Быстрее стошнит – быстрее поправишься.

– Нет, – повторила на всякий случай. Пусть не думает, морда крушинбэйская, что я тряпка покорная и так просто сдаюсь!

– Хочешь, чтобы я сам? – никаких эмоций не сквозило в его голосе: только уверенность и спокойствие. Лишь хватка ладоней да лёгкий блеск вишнёво-чёрных глаз выдавали его напряжение.

– Нет... – выдохнула до предела и сделала первый глоток.
– Нет.

Отвратительная липко-мыльная жидкость ошпарила горло. Мерзкая, как тыквенный дезодорант Парфины. Через пару секунд меня вывернуло так, что белоснежный клозет стал розовато-жёлтым. А потом меня прибрала густая пустота.

– Ибреса Энвиллан? – Забытье раскрошилось мириадой искр, пропуская в мою личную темноту знакомый голос. Настолько знакомый, что лучше б его никогда не слышать. – Пора просыпаться.

Тело медленно возвращалось ко мне. Покалыванием в кончиках пальцев, зудом на губах, кислотой во рту... Голова

казалась тяжёлой, как камни разрушенной купальни на заднем дворе родного дома. Матушка говорила, что арканый болт залётного виннифортского мага когда-то разнёс её подчистую.

Вот так и бывает обычно: войны, вроде бы, нет, но отчего-то бьют. Если у противника нет гордости, уничтожить его, не нарушая мировой пакт – как два пальца об диван.

Сосредоточилась. Веки послушно разомкнулись. Над головой повис чужой потолок. Незнакомые стены окружили, не давая шанса. Я лежала на спине, и пушистый плед укутывал меня до самого подбородка. Любая попытка пошевелиться будила головную боль и премерзкую тошноту.

– Ну, как самочувствие? – снова он. Почти ласково.

Вздохнув, прикрыла глаза, лишь бы не видеть это лицо. Вспоминать произошедшее не хотелось. Отвечать – и подавно. Одно знала точно: большего позора в моей короткой жизни не было. Даже прошлой ночью.

Я хочу забыть гранна Оливера Вандергейта. И буду молить Филлагорию, чтобы он забыл меня. Честно, предпочла бы отчисление.

– К превеликому сожалению, я должен уйти, – продолжал голос, как ни в чём не бывало. – Две лекции у вечернего отделения. Убегать, пока я не вернусь, не вздумай. Можешь просто не добраться. Мы избежали худшего исхода, но тебе ещё пару суток будет плохо, и...

- Пару суток?! – распахнула глаза и тут же поймала зна-

комый взгляд. Попыталась приподняться на локтях – не тут-то было!

- Угу, – Вандергейт был немногословен и неумолим. Говоря по-аэрийски, издевался. Ничего нового.

- Это что же, я должна два дня терпеть Парфину и её тыквенный дезодорант? Без возможности слинять?

- Угу.

- А если она подружек приведёт? А если снова орехами накормить удумает? Сожрут же заживо меня, гранн! Косточки пообглодают! Могилу мне выроют и закопаться заставят! Вам меня не жалко? Какие двое суток, к низшим?!

Каждое слово отзывалось в голове маленьким взрывом. Будто виннифортский маг запускал фаерболлы в мои нервные клетки. И попадал в цель. Но... хотя бы язык начал слушаться. Не отупела, не онемела и, видимо, не окосела. Шарлотта Энвиллан, да тебе несказанно везёт!

– Именно так, Лотта, – показалось, что на губах Вандергейта возникло подобие улыбки. Показалось! Такие, как он, не умеют улыбаться!

– Терпеть этот беспредел?! Я что, гранн, по-Вашему, на помойке себя нашла?!

Глубокоуважаемый всея Академии даже не шелохнулся. Видно, пошевелить губами в ответ было ниже его крушинбэйского достоинства.

– Гранн, я не выдержу! – выплонула, подытоживая. – Честно-честно!

Вандергейт сощурился. Сложил руки на груди и прошёлся вдоль комнаты. Непробиваемый, непоколебимый. Кремень проклятый!

– По поводу того, где ты нашла себя... – проговорил неожиданно мягко. – Ты же терпела три лунных круга и ничего не пыталась изменить. Значит, продолжишь терпеть.

Повернулся лицом. Посмотрел пристально, строго, будто отец на нашкодившего ребёнка. Вандергейт видел намного больше, чем можно было представить. Но упускал главное: его слова ранили. Потому что были правдивы.

Я терпела. Я продолжу терпеть.

– Да что б вы знали о терпении, гранн глубокоуважаемый! – меня понесло, как взбесившегося коня. Готова была на стенку кинуться. Сожрать ковёр, обглодать дверные косяки, повиснуть на люстре: лишь бы не болело внутри. – Существуют ещё неизбежность и безысходность!

– Выход есть всегда, – Вандергейт продолжал ковырять раны. – Если тебя обижает соседка, можно написать докладную коменданту. Можно подать петицию о переселении. Можно подойти ко мне и попросить помощь. А можно просто поставить Парфину на место.

Я наморщила нос. Ага. Как же. За докладную поймают и устроят тёмную. Петицию не примут – охота ректорату разбираться с мелкими тёрками. А просить помощи, да у самого Вандергейта... ну, такое себе. Особенно после того, как очутилась у него в апартаментах, возлежала на его тахте и –

прости, Филлагория – блевала в его клозет.

– Это только вам всё просто даётся! – сказала вслух. Ну, право: не буду же я про клозеты всякие... – Такие вещи не по щелчку пальцев делаются!

Вандергейт покачал головой. Отбросил за плечо пепельные волосы и присел на край лежака. Так, словно он был у меня в гостях, а не наоборот.

И щёлкнул пальцами:

– Как я могу помочь тебе, Лотта?

Глава 6

Нечаянного взгляда хватило, чтобы понять: не шутит. Не издевается. Хочет помочь: всей вымерзшей душой, всем каменным сердцем. Видно, проклюнулось-таки в нём что-то человеческое.

Удивление растаяло быстро. Эка невидаль! Помогать адептам, в конце концов, его долг: назвался куратором – полезай в полымя. Одному меня матушка не научила: как чужую помощь принимать, чтобы не выглядеть в край оборзевшей и беспомощной в глазах всяких там кураторов.

Нет, я не слабачка (ха). И не трусиха (ещё раз: ха). Он никогда не увидит меня поверженной (три раза и громко: ха-ха-ха).

– Время поможет, – высказалась я, отворачиваясь. – Скоро Эссенсус. Вылетит Парфина, как миленькая. А я останусь.

Вандергейт поднялся, деловито поправляя воротник. Выглядел он безупречно, будто не на лекции, а на брачный ритуал намылился. Ни одной складочки на удлинённом пиджаке. Ни одного колтуна в прилизанных волосах. Любая курица-преподша была бы счастлива потанцевать с таким, да ведь не пригласит ни за что!

– Так уверена? – он пожал плечом.

– Родовая магия – это вам не шутки, – серьёзно проговорила я в ответ, стараясь, чтобы голос не дрожал.

– Были случаи, когда безродные, что вообще не соприка-

сались с магией, показывали на Эссенсусе высший уровень, – возразил Вандергейт. – Бывало и так, что адепты из могущественных династий проваливали испытания. Не имею тебя в виду, ни в коем случае. Просто факт.

– Обычно случается иначе, – заметила я. Но внутри пустили корни сомнения, и от этого становилось душно.

– Обычно не значит всегда, – оборвал Вандергейт, и сомнения укоренились во мне окончательно. – Кстати. Ты оставила в лекционном зале это.

Он сунул руку за пазуху и выудил стандартную тетрадь Фергазийской Лиги в коричневом кожаном переплёте, на деревянных кольцах. От других тетрадей её отличала, разве что, моя фамилия на титульнике.

Вандергейт бережно положил находку рядом со мной и прошептал:

– Ламио попросит предоставить все лекции в конце семестра под роспись. Это секретная информация.

Забыв о головной боли, я едва не подпрыгнула до самого потолка. Возмущение угольками тлело в груди. Он уже просёк, что я не записала аж целую лекцию восьмину назад?! На то имелась уважительная причина: Парфина спёрла все самописцы, даже дешёвые вороньи перья. Я так и не нашла их! Наверное, пыталась соорудить павлиний хвост, чтобы прятать под ним позорное орочье седалище.

Ну, ладно: не совсем одну. Ещё сегодня. И одну в самом начале семестра. Иногда я не пишу лекции. Как и все. Что

такого?

– Не разрешала шарить по моим записям! – почти прошипела. – Хоть Вы куратор, хоть ректор, хоть мой папенька, хоть посланник Филлагории!

– Я и не шарил, – Вандергейт приподнял бровь и снисходительно добавил: – Ты сама себя выдала. Только что.

Прежде, чем я сумела сообразить, как цапнуть нахала за живое, он пересёк комнату и направился к выходу. Статный, гордый, непоколебимый.

Непробиваемый.

– Подожди меня, – бросил напоследок: то ли предостерегая, то ли угрожая.

И вышел в коридорный полумрак, оставив в память о себе лёгкий запах шиповника.

Замок нутужно щёлкнул, но легче не стало. Тоска пошла горлом, выступила слезами. Теперь, когда Вандергейт скрылся, я могла позволить себе скорчить жалобную моську и всплакнуть. Вот же, в каком дурацком положении очутилась – даже Парфине и её подружкам не пожелаешь! В апартаментах куратора. На лежаке куратора. Под пледом куратора. Растрёпанная, как метла; выжатая, как долька глибби и помятая, как подштанники Парфины. Зайдёт кто – не поверит, что всё из-за морских орехов! Ни за что не поверит!

Будто в центре враждебного Виннифорта оказалась в разгар боёв. И не сбежишь ведь. Нет-нет: нравоучения Вандергейта тут ни при чём. Ну, выговорит; ну, отчитает; ну, де-

сертов лишит – эка невидаль! Орочья свора, что поджидает с яростным желанием отмщения, гораздо страшнее морального кодекса.

Довольно! Я вытерла слёзы. Если не получается выйти из неловкого положения, нужно сделать его не таким неловким.

Поднялась, опершись на журнальный столик, и едва не зацепила локтем стеклянный кувшин с морсом. Ух, а куратор-то заботливый оказался: и печеньки принёс, и бутербродов настрогол. Жаль, что одинок: повезло бы кому-то... Лучше уж денно и ночью слушать нравоучения, чем готовить.

Пол показался мягким, как вата, и текучим, как река в разгар разлива. Голова пошла кругом. Сознательная часть меня на миг отъехала, и я почувствовала, что вот-вот рухну. Меня занесло вперёд, кинуло ниц, закружило в объятиях чужих стен. Полёт прервался вспышкой боли: я не заметила, как налетела на книжный шкаф.

Живот засадило от удара. Книги в стопках сердито подпрыгнули и едва не рухнули на мою брентную голову. А прозрачная графосфера, что гордо выступала впереди книжных рядов и тетрадных скоплений, активировалась и выплюнула калейдоскоп объёмных образов.

Боль забылась сразу. Паршивое чувство опасности – тоже. Раскрыв рот, я наблюдала, как объёмные магографии сменяют друг друга.

Вот Вандергейт совсем молодой, на берегу Крушинбэйского залива. В Крушинбэе песок багряно-фиолетовый из-за

особой разновидности планктона. И даже в пустыне, где не сыщешь ни воды, ни планктона, он отликает розовым. У нас, в Аэрии, песок серовато-жёлтый, скучный.

Вот он у стен родной Академии, с гордым взглядом и дипломом в руках. А диплом-то особого образца, с золотистой корочкой. Кто бы, впрочем, сомневался.

А здесь Вандергейт не один. На смотровой площадке Академии рядом с ним две клуши из деканата! Женщины гордо оглядывают окрестности, а куратор, пристроившись между ними, смеётся во все тридцать два!

– Он, оказывается, умеет улыбаться, – проговорила я вслух. Откровение раскаталось на языке крупницей соли. Постыдное чувство, что я узнаю о человеке больше, чем он позволяет, без его разрешения, засвербило под ложечкой. Но любопытство всегда сильнее здравого смысла. По крайней мере, в голове Шарлотты Энвиллан.

Вандергейт в своём кабинете. Вандергейт с энциклопедией ментальных искусств. Вандергейт с песочными часами. Вандергейт с арбалетом. Вандергейт перед полной аудиторией адептов в канун Эссенсуса. Вандер...

Девочка?

Я едва не поперхнулась воздухом.

С магографии смотрел ребёнок. Малышка лет четырёх с мягкими и крупными, как у коренной аэрийки, чертами лица. Лишь две маленькие детали не давали усомниться в её родстве с Вандергейтом. Редкий, чисто-пепельный цвет во-

лос. Непроглядно-чёрные глаза.

У Вандергейта есть дочь?! Вот это новости!

Я вглядывалась в лицо девочки, ища сходство. И находила. Что-то строгое в выражении лица. Взгляд. Изгиб бровей. И...

Магография растаяла. Графосфера погасла. Лишь ворох серебристых искр игриво взметнулся перед моим носом.

А внутри взметнулся стыд.

Я узнала то, что не было позволено.

Время тянулось медленно.

Часы в апартаментах гранна Вандергейта нашлись только песочные. Пришлось вынужденно наблюдать, как плывёт к горизонту солнечный шар, и угадывать по его положению время. Суток.

Сначала небо в рамке окна налилось багрянцем и стало походить на песок крушинбэйских пляжей. Потом бордо вытеснила синь, а у горизонта вздулся, накаляясь с каждой секундой, оранжевый рубец. Глаз солнца едко сощурился и упал за деревья, поджигая голые кроны рыжим пламенем.

Едва вечер выкрал свет из комнаты, под потолком вспыхнули, суется, маглумы, и пространство заиграло новыми красками: зловещими и неудобными. Снаружи поднялся ветер: взвыл, разбушевался, загудел в щелях. Ветки старого клёна принялись отбивать ритм по стеклу. Бомм-бомм! Страх, да и только...

Рыжая каёмка вокруг крон превратилась в тонкую алую полосу, но хитромудрый всея Академии так и не явился. Забыл, наверное.

Каждый раз, когда в коридоре слышались шаги, я плотнее сжималась в комок. Вдруг постучат? А если зайти удумают? У меня ж ни отвара, ни сладкого пирога: подчивать нечем, бутерброды одни.

Бутерброды, кстати, оказались невкусными: с виннифортской абжигой и ломтями овощей. Ах, как же я забыла: куратор же наш – коренной крушинбеец в мохнатом поколении. Такие скорее себе шею свернут, нежели вкусят мясо или рыбу. Даже в столовой Академии у крушинбэйцев отдельные посадочные места... Любопытный народец: в Филлагорию не верят, но всё живое почитают и обожествляют.

Интересно, что Вандергейт будет делать, если в его апартаментах заведутся тараканы? Или крысы? Мерзкие грызуны с блестящими бусинками глаз и голыми хвостами – такими гадкими, что коли в темноте наступишь, штаны обмочишь? Выгонит внушением и нотациями? Или приручит?

Я откинулась на лежак, и кольца лекционной тетради больно впились промеж рёбер. Вот же, даже тут базовая теория магии мне мешает... Корёжась от слабости, с горем пополам, я выудила помятую тетрадь из-под себя. Кожаная обложка хлопнула, расправляясь, и на плед вывалился листочек бумаги, сложенный вдвое.

Бумага была чужой.

И не Парфениной.

Я никогда не покупаю тетради из лавандовых лепестков пафоса ради: слишком дорого и непрактично. А у Парфины медяков на такую не хватит. У неё самые простые тетради: со страницами из высушенной сурепки и тыквенной кожуры. Где Парфина – там тыква, где тыква – там Парфина.

Хмыкнув, развернула листок. Легкий запах сухих цветов зашекотал нос. По серо-фиолетовой глади бежали аккуратные буквы, старательно выведенные пером:

"После наступления темноты у входа в женскую башню. Ю."

Руки внезапно задрожали, как в лихорадке. Голову словно сплющили между чугунными крышками от кастрюль. Виски, вместе с постыдными воспоминаниями, ударила горячая кровь. Мне не нужно было объяснять, кто такой Ю. Объявился-таки, ещё и встречи захотел. Ничего, что хочу забыть его ещё сильнее, чем гранна Вандергейта?!

Или не хочу?..

О, Филлагория-матушка! За что наказываешь? Почто смерти моей хочешь? Ведь не пойти не смогу: спас он меня. Сам рисковал, но спас!

Понять бы ещё, что я чувствую сейчас и отчего меня так тянет с ним увидеться.

Интересно, сильно ли разъярится Вандергейт, если я слиняю из его покоев?

Эти сутки наградили меня несмываемым позором. Терять

нечего.

Глава 7

Сильнее всего пугало не предчувствие встречи с Юдиасом. Не премерзкое головокружение, норовящее свалить с ног. Не тошнота, что сконцентрировалась под ложечкой и грозила покрыть не только позором, но и обкусками бутербродов, в любую секунду. И даже не то, что я осмелилась послушаться самого грозного менталиста Академии.

Страшнее всего было пробираться по коридорам административной башни!

Прежде, чем покинуть апартаменты Вандергейта, я долго стояла у двери, прикинув ухом к тёплому дереву. Голоса и шаги то и дело возникали в отдалении, пугая и кроша мою уверенность вдребезги. Когда всё затихло, а тишина стала такой густой, что аж зазвенела, я показала нос наружу. Но увы!

Не проползла и двух метров, как столкнулась с черноволосой женщиной. Её лицо показалось знакомым, но она точно не преподавала. Вероятно, одна из бесчисленных работниц администрации или канцелярии, что то и дело мельтешат перед адептами с важным видом, а на деле просто бу-мажки перекладывают.

Несчастливая подскочила, выронив кипу документов, окинула меня изумлённым взглядом и обиженно надула губы.

– Простите, – только и успела пробормотать я. – Сегодня просто не мой день.

Женщина подбоченилась, словно я её оскорбила. Опустилась на одно колено, волоча подол длинного бордового по пыли, и сгребла бумаги ворохом.

– Вас всех не наизвиняешься, – выцедила она.

За что так зло? Я же от всего сердца... Чувствовать себя виноватой без вины – особый вид самоистязания. И я владела им сполна.

Прежде, чем совесть стала подсказывать нелепые ответы, а разум – оправдываться, я метнулась к лестнице. Кем бы ни была эта женщина, запомнить моё лицо она не должна. Спасибо, Филлагория, что я налетела на неё так спонтанно: может, и забудет, из чьей двери выходила.

Паутина старых переходов вывела в женскую башню. Лестница, похожая на выющийся локон, обрывалась в просторном холле у выхода. Снаружи веяло холодом. Самое время пожалеть, что не забежала в комнату за пальто. Хорош выбор: замёрзнуть или погибнуть от кулаков Парфины.

Позднее увядание – слезливая пора. Плачут деревья, скидывая бремя листвы; плачут облака, ватой грудясь над шпилями Академии. Плачут птицы, покидая родные места. Воздух колкий от смёрзшихся слёз. И людские сердца вторят рыданиям: скоро мир укроет снег, хороня осколки надежд и стремлений. Останется ли в новом году место старым мечтам?

Снаружи гулял ветер. Прыгал с дерева на дерево, качая голые ветки и завывая побитой собакой. Едва тронул волосы –

захотелось залечь под дерево, прикрыться листвой, как одеялом, и не просыпаться, покуда сезон пробуждения не погладит по плечу... На отмоствах шептались сухие листья. Пахло прелой травой, поздними цветами и стоялой влажностью.

Здание Академии встало за спиной, как гигантский четырёхголовый монстр с сотней горящих глаз. Оттого его и называли “Вороньим Гнездом”: башни напоминали птиц, высунувшихся из вороха прутьев. Но мне ближе сравнение с монстром. Дверь женской башни с лепниной над входом – в точности прожорливый рот, каменистая тропинка, бегущая в сад – длинный язык. Сожрёт ведь и не подавится!

В иссиня-фиолетовом воздухе мерцали огоньки маглюмов, клубился сладковатый дым и плавали голоса. Две старшекурсницы, скрывшись за каменистым выступом крыльца, смолили самокрутки. Заметив меня, девушки быстро прятали улики в кулачках.

– Потерялась, что ли, – вскинула голову одна из них. И добавила: снисходительно, с оттяжкой: – Соплячка.

Её подруга сипло хохотнула, выплюнула дым и закашлялась.

– Нет, – я покачала головой, не думая обижаться. Новичков, что ещё не прошли Эссенсус, часто дразнили старшие, это было чем-то вроде боевого крещения. – Я человека ищу. Никого не видели?

– Мамку, что ли, свою? – фыркнула девица.

– Парня с курса, – я показала тетрадь по науке разума. –

Конспекты ему отдать должна.

– Дорогая, – встряла вторая деваха, – думаешь, если бы мы увидели здесь парня, мы бы его не оприходовали вперёд тебя?

Обе заржали, будто у гранна Ламио во время лекции упали штаны.

– Спасибо, – проговорила тихо, чтобы не расслышали.

Шарлотте Энвиллан не впервой разбираться во всём самой.

Возможно, Юдиас вышел из мужской башни и спустился в сад. Ведь вечер, несмотря на холод, так прекрасен.

Метнулась по тропинке в холодные объятия синих сумерек. Ноги то и дело налетали на камни, сбивая шаг. Вокруг встали, растопырив кривые пальцы ветвей, яблони. Потянулись колючей порослью веленичные кусты. Меж сухих листьев, в сетке тонких шипов, белели последние ягоды.

– Юди... – закричала было, но вовремя спохватилась и проглотила горькое окончание. Глупая. Нелепая. Никчёмная.

Ответил только ветер. Подхватил крик, пронёсся над головой, разбередив кроны; бросил к ногам ворох иссохших листьев. Раскачал кусты веленики. Почудилось, что живая изгородь выпускает когтистые лапы, чтобы цапнуть меня за подол, затянуть в шипастое нутро и переварить.

Может, я что-то напутала? Может, неверно поняла? После такой порции морских орехов – немудрено.

Дрожа от холода, я развернула записку. Сумерки тут же сожрали слова и буквы. Сколько ни вглядывалась, перед глазами стояла лишь унылая серость. Так пытаешься разглядеть дно водоёма сквозь мутное течение и пласты тины. Тьфу!

Злясь и чертыхаясь, я скомкала листок и запихала в карман. Вот и пойми теперь, на правильном ли пути.

Я задрала голову в небо, израненное ветками и истерически захохотала. Густую синь пробили первые звёзды. "Он просто разыграл тебя, – шептали они ехидно. – Сидит где-то в засаде и смеётся. Аэрийцев тут не любят, Лотта. Мама же предупреждала."

Матушка предупреждала. Говорила, что политическая ситуация ничего хорошего не сулит. Заявляла, что Фергазийская Академия – нейтральная территория лишь формально. Умоляла поступать в Аэрийское магическое училище: пусть наука дома не так сильна, а местные профессора, разбалованные Источником, не сделают поток сверхмощным, зато безопасно. Но разве я слушала? Меня тянула неизвестность и дальние дороги. Прельщало желание независимости и всевластия. Меня пьянило желание вырваться из-под контроля... А теперь хоть волком вой.

Он обманул меня.

Юдиас. Меня. Обманул.

Только зачем ему всё это нужно?

Плюнула бы, растёрла и забыла.

Прижимая тетрадь к себе и зябко ёжась, я шагала назад.

Туда, где темноту прорывали арки горящих окон. Юдиас не мог зацепить меня за жалкие пять минут. Не мог! Я ведь даже лица его не разглядела...

Зато заметила необычайно острый ум. Находчивость. Сообразительность. Пьянящую дерзость и бесстрашие. И что-то ещё. Странное, восхитительное, немного пугающее.

Лишь добравшись до башни, я поняла. Юдиас имел смелость шагать своим путём и не оглядываться на других. Я всегда хотела так же.

– А, вот ты где, – окликнули у крыльца, и я сразу узнала голос.

Подняла взгляд и замерла, чувствуя, как в груди распускает лепестки странное тепло. Будто в сезон сна одеялом укутали и к печи прислонили.

Да, это был он: герой моей самой позорной ночи. Не красавец, но отчего-то притягательный. Платиновые кудрявые волосы, вздыбленные надо лбом, выбритый, как у граннов, висок, выкрашенный в алый цвет. Дорогой, но неопрятный замшевый пиджак, застёгнутый не на ту пуговицу. И гипнотический взгляд, бескомпромиссно заявляющий: “Зови меня просто Хозяин”.

– Юдиас?! – Что-то внутри напряжённо дёрнулось: я одновременно хотела и остаться, и убежать. Бывает же так!

– Опаздываешь, Лотта, – тихо и с укором проговорил Юдиас.

– Но я не опоздала вовсе! – не смогла найти слов от возмущения. – Я искала тебя на аллее!

– Я же понятно написал: у входа, – уточнил Юдиас. – Но не бери в голову: я и сам только что спустился.

– И при этом смеешь обвинять меня во всех смертных грехах? – прозвучало это мягко и заискивающе, примерно как “Любимый, купи мне новую сумочку из драконьей кожи”.

О, Филлагория, что творится со мной?! Почему не могу колоритно окрасить свой мышинный писк гневом, чтоб наглеца смело к низшим?! Почему не в состоянии отправить его куда подальше: мне ведь претит его тон. Я никогда не терпела неуважения к себе, но отчего-то выросла ногами в крыльцо и слушала этого таракана сквозь розовое марево внутренней теплоты.

– Сказал же: прощаю, – отозвался Юдиас, беззаботно почесав подбородок, и я едва не задохнулась. – На первый раз. Перейдём к делу, Лотта.

– К... какому делу?! – как же я ненавидела свой заплетающийся язык!

– К эксперименту, – в глазах Юдиаса мелькнула насмешка. – Не на свидание же я тебя позвал. Я пришёл, чтобы забрать это.

И прежде, чем я успела переварить – да и осознать – пробившееся возмущение, он протянул цепкие ручонки к карману моего платья и выудил смятый листок лавандовой бумаги. Поднёс к лицу. Смакуя, втянул запах и дерзко усмех-

нулся:

– Отлично. Спасибо, Лотта.

– Объясни, что происходит?! – у меня наконец-то прорезался голос. Теплота внутри таяла, освобождая место праведному возмущению и гневу. Но их всё равно не хватало, чтобы устроить бадабум. Я ничего не понимала, и с каждым словом нового знакомого ситуация становилась всё более нелепой и странной.

– Я же сказал: эксперимент, – самодовольно мурлыкнул Юдиас, приглаживая кудрявый чуб.

– Ты же сам мне подкинул эту записку за каким-то низшим! А теперь забираешь?!

– Умная девочка. Всё совершенно верно. – Юдиас хохотнул, но его глаза оставались высокомерно-спокойными. – Неплохо. Но надо будет поработать над стойкостью.

– Что?! Над... чем?! – всплеснула я руками.

– Не для средних умов, – Юдиас смотрел на меня так пристально, что хотелось скормить его дракону. – А, кстати, держи. Это твоя награда.

Он вложил в мои руки большое румяное яблоко с гладкой кожей. И пока я пыталась переварить произошедшее, развернулся и пошёл ко входу в мужскую башню. Не попрощавшись. Не объяснив.

А я так и осталась стоять с яблоком в руках под потоками холодного ветра, словно окаменев.

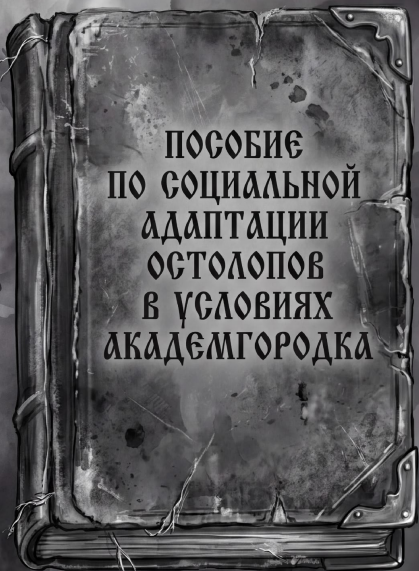
Осознание приходило постепенно. В груди, сменяя так и

не понятую, необъяснимую теплоту, поднимало голову презрение. Но не к Юдиасу. К самой себе.

Подумать только: он стоял на расстоянии поцелуя и измывался надо мной, жестоко окуная в грязь! Унижал, смеялся, словно я собачонка на побегушках. А я – наследница могущественного рода – даже возразить не смела.

Да кто он такой?!

Глава 8

ПОСОБИЕ
ПО СОЦИАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ
ОСТОЛОПОВ
В УСЛОВИЯХ
АКАДЕМГОРОДКА

Возвращалась в комнату раздосадованная и отжатая до капли. Кажется, теперь я знаю, что чувствует человек, которого переезжает конная повозка. И морские орехи тут ни при чём. Яд эмоций гораздо страшнее. Особенно когда они приходят ниоткуда.

Гнев и отчаяние, бушующие в груди, вытравливали во мне всё живое. Разъедали изнутри, но парадоксальным образом давали силу.

Я кляла себя как могла. Надо ж было так потерять контроль над эмоциями и действиями! Разве я не хозяйка себе?! Юдиас, небось, хохочет надо мной, как умалишённый. Неужто не хватило позора предыдущей ночи?!

В комнату ввалилась, как разъярённый медведь. Бросила тетрадь и яблоко на тумбочку. До тёмной поры оставалось ещё полтора часа, и у меня были все шансы схлестнуться с Парфиной в праведной битве за справедливость. Но даже та, заметив мою ярость, лишь открыла клыкастый рот и выронила пинцет для бровей.

– Что вытаращилась? – добавила я жару. – Не ожидала, что вернусь?

– Ожидала, что копыта откинешь, – пробасила Парфина, приглаживая растрёпанные, почти мужицкие брови.

– Здорово в деканате нагрели, да? – оскалилась я, заранее чувствуя себя победительницей. Азарт ярости пьянил и за-

ставлял кровь закипать. – Задница, небось, до сих пор красная?

– Думала, что самая умная? – Парфина выставила жёлтые клыки. – Но просчиталась и не учла, что нас больше. Орк за орка. Тебе просто не жить, девочка!

– Не переживай так, – бросила я. – Красное отлично контрастирует с зелёным.

Бросила я это зря. Ибо Парфина медленно встала, разогнулась, расправила мужицкие плечищи и тараном пошла на меня. Надо признать, уверенности во мне сразу поубавилось. Ярость погасла, оставив голое пепелище неуверенности.

Рыть могилу самой себе – моё любимое занятие. Тут ничего не попишешь.

Парфина подошла вплотную. Почти интимно обхватила мой подбородок: я и пикнуть не сумела. Запахло затаённой злобой и мерзким тыквенным дезодорантом.

– Красное, – она щёлкнула меня по носу, – с зелёным, – оттянула воротник моего платья, – не очень. Но у меня есть идея. Давай сделаем твой нос синим!

Парфина зажала мою переносицу большим и указательным пальцем, не давая вдохнуть, и принялась крутить кулаком туда-сюда. Дикая боль едва не разорвала меня пополам. Кулаки у орчанок мощные, сильные, страшные... Один средний палец толщиной в эльфийский бицепс! Если меня после этой процедуры не причислят к Филлагорийским мученицам, то...

Настойчивый стук в дверь стал спасением.

Парфина ловко отпрыгнула и посмотрела на меня исподлобья. "Попробуй мне, вякни хоть что-нибудь", – говорил этот взгляд.

Я утирала слёзы и сопли тыльной стороной ладони, пока Парфина открывала дверь. Нос отзывался болью и саднением. Но это не худшее, что могло случиться: определённо, не худшее. И морские орехи – не худшее. От розыгрыша Юдиаса было намного тяжелее. Удивительно, но незримые материи болят сильнее физического тела.

– Гранн? – послышался изумлённый голос Парфины.

А потом в комнату зашёл тот, кого я хотела видеть меньше всего.

Правильно говаривала бабуля покойная: если Филлагория посылает испытания, то сразу и сполна. Коли выдержишь – обнимет и пригреет. Сдашься – всё вернётся троекратно.

Он смотрел на меня сверху вниз, пока я пыталась спрятать за ладонью пошедшую носом кровь. Смотрел с укором и долей жалости. Высокий, статный, гордый... Любая обрадовалась бы его вечернему визиту в покои, но не я. Слишком уж многое нас связывало с гранном Оливером Вандергейтом.

Например, моя рвота на его брюках.

– Ругать меня пришли за своеволие? – пробормотала я, пытаюсь побороть неловкость.

– В своеволии нет ничего плохого, Лотта, – спокойно от-

ветил гранн.

– Тогда что? – проглотила солёную кровь вместе со слюной. – Хотите, чтобы я постирала ваши брюки и почистила ботинки?

– Лотта...

– Я сожалею, что испортила их, но не слишком ли это нахально с вашей стороны?

– Собирай вещи, – проговорил Вандергейт. – И побыстрее.

Кровь промочила ладонь, отпечаталась солью на языке и побежала между пальцами. Дурные мысли стучались в голову, как запоздавшие птицы в окно в разгар снежной бури. С вещами на выход, да так внезапно? С чего бы? Неужто ректор о морских орехах прознал и в мою вину уверовал?! И на отчисление меня, как последнюю прогульщицу?! С хорошими-то отметками?!

Ну, ладно. Есть пара троек по алхимии и зельеварению. И один прогул. Но это ведь не мировой потоп? У Парфины огрех куда больше, а её никто отчислять не собирается.

– У меня есть шанс оправдаться? – промямлила, глотая кровь и остатки рухнувшей надежды.

– Всё решено, – ответил Вандергейт.

– Это же нечестно. Парфину первую должны на отчисление. И подружек её зеленокожих!

– Ты договоришься, аэрийка, – прогавкала из своего угла Парфина, но как-то вяло. Будто заблудшая шавка, что целую

восьмину воды не видела. Удивительные чудеса творит аура куратора, что ни говори!

– Я попросил собрать вещи и пойти со мной, – пояснил Вандергейт. – Не нужно придумывать лишнее. Времени у нас мало, и я советовал бы поторопиться.

Он не давил, но напирал, и так мощно, что становилось не по себе. Возразить не получалось при всём желании, да и был ли выбор? Слово куратора обжалованию не подлежит. Воля куратора – закон, по крайней мере, в этих стенах.

Дорожная сумка – единственное, что осталось от прежней жизни – торчала языком клапана из-под кровати. Я вытерла кровь и сопли и принялась за сборы. Мои пожитки спрятались по ящикам и тёмным углам и лезли внутрь крайне неохотно. С горестью замечала грязные пятна на подолах платьев и прокарябанные решетом дырки на белье и носках... Эх, Парфина! И тут постаралась!

Впрочем, при кураторе она вела себя, как посланница Филлагории. Если, конечно, у Филлагории есть зеленокожие посланницы. Овечка в орочьей шкуре, порази её понос, перхоть, прыщи и лунные боли!

– Шесть неудов по базовой теории магии, – отчитывал соседку гранн Вандергейт. – Ни на одной отработке тебя не видел. Бери себя в руки, если не хочешь недопуск.

– Гранн, у меня трудности. Матушка больна. Я езжу к ней по выходным, какие отработки?

Я закусила губу. Ага. Врёт как дышит! На её мамаше мож-

но бочки с вином по трактирам развозить. На прошлой восьмине её видела, когда навещать драгоценную дочурку приезжала.

– Отработать можно и после занятий. Например, сегодня. Чем ты занимала этот чудесный вечер, Парфина?

Я срывала платья с вешалок, делая вид, что аккуратно складываю их, а сама слушала вполуха. Изворачивалась Парфина весьма забавно. Как рыбёшка, пойманная в сеть, что ещё видит море вокруг, но уже никогда его не обретёт.

– Я прибиралась, гранн. Эти аэрийки такие замарашки!

– Как интересно. Наверное, поэтому у вас весь подоконник чернилами заляпан, а на полке такой слой пыли?

– Просто не успелось, гранн. Я целый час оттирала за нею душевую кабину и выковыривала из стока её волосы.

– Ложь, – робко подала я голос, и Вандергейт с Парфиной синхронно подняли сверлящие взгляды.

С двух сторон меня дистанционно разбирали на частицы. Парфина – с ненавистью и яростью, куратор – с показным безразличием. И чем сильнее в меня вперивались иглы чужих взглядов, тем шире я улыбалась. Право, терять нечего. Даже если куратор выдаст мне прощальный пинок и посадит на колесницу до Аэрии, этот вечер я буду помнить вечно.

Потому что справедливость может не только наказывать, но и гладить по голове. Иногда она слаще Аэрийского слоёного пирога из глибби! Слаще похоти, слаще любви. Она способна раскрывать сердца, призывать бабочки в животе.

Дарить воодушевление и эйфорию. Расцветать улыбками и сиянием в глазах. И...

И, как ни крути, всё это с горечью на губах.

– Что ж, Парфина, – первым не выдержал Вандергейт. Отвёл взор – отвернулась и я, уставившись в тесноту платяного шкафа. Будто на полках лежали ответы. – Когда твой отец приедет навестить тебя, я, пожалуй, поговорю с ним.

Говорят, что глядеть спиной нельзя. Но клянусь, я увидела, как Парфина вздрогнула и сжалась в крепкий комок орочьих мышц.

– Только не отец, гранн, – просипела она, вмиг растеряв прыть и хабальство. – Он и так расстроен из-за матушки. Мало ему проблем? Ещё и я.

Воцарилась тишина: накалённая, чуть пахнувшая шиповником. Я давно сложила свои пожитки, но отчаянно притворялась, будто что-то потеряла в ящике для обуви. Слишком уж интересным казался разговор. Греть уши... да, есть за мной такой грешок, если честно. Но я не сплетница, Филлагорией клянусь! Как можно быть сплетницей, если у тебя нет друзей?

– Я, конечно, понимаю, что сложно взять и выучить шесть тем кряду, – с сочувствием произнёс Вандергейт. – Поэтому держи. Дарю.

Зашепталтсь бумажные страницы, и что-то, шелестя, бухнулось на тумбочку.

– Пособие, – начала сбивчиво читать Парфина, – по со-

циальной адаптации остолопов в условиях академгородка?

– Угу, – ровно проговорил Вандергейт, а я едва сдержала смешок. – Изучай!

– Чё? – пробороздил вечерний воздух нервный орочий крик.

– Что-то непонятно? – Вандергейт изобразил томный вздох. – Хорошо, завтра останешься после занятий в лектории. Подойду, всё расскажу, объясню. А коли изучишь к тому времени пособие – так и быть, замолвлю за тебя словечко перед Ламио. Может, допустит до пары отработок и валить не станет.

Я уже не могла сдерживаться. Живот скрутила судорога. Смех рвался наружу, рассыпаясь звонкими бусинами и застилая глаза слёзным маревом. Пришлось закусить предплечье и согнуться пополам. Моя внутренняя вредина ликовала и лихо отплясывала канкан.

– Уже готовы, ибреса Энвиллан? – привёл меня в чувство бархатный голос Вандергейта.

– Н-нет, – приснула, до боли вгрызаясь в собственную кожу. Смех душил, скручивал, выворачивал наизнанку.

– Не лукавьте. Вы были готовы ещё пять минут назад, – возразил Вандергейт.

Внутренняя вредина скорчила недовольную рожу. Вот же менталюга пафосная: ни слово поперёк замолвить, ни перехитрить! Наблюдал за мной, как за преступницей! До чего унизительно...

Но, по крайней мере, в его присутствии я понимаю, что чувствую.

Подхватила сумку. Спрятала тревогу и вытерла ладонью слёзы. Улыбнулась Парфине напоследок и присела в реверансе:

– Счастливых отработок, остолопка!

Вместо ответа вслед полетел орочий тапок сорок второго размера с костяными шипами над высокой подошвой. Я вовремя успела юркнуть в коридор и захлопнуть дверь. Обувной изыск врезался точнёхонько в неё. Должно быть, и трещину оставил, но какая мне теперь разница?

Что бы там ни несло будущее, Парфина осталась позади. Злобная, помятая, с подорванным самолюбием, отруганная Вандергейтом. С кучей хвостов. И, возможно, с обломанными шипами на любимых шлёпках. Уже плюс.

– Позволишь? – протянул Вандергейт уже совсем другим тоном, отбирая у меня сумку.

– Решили напоследок побыть самым галантным? – опешила я. Но баул уступила охотно. Право, не до самой же колесницы мне его тащить, когда рядом самый настоящий заклинатель орков.

– Я же несу за тебя ответственность, – ничуть не смутился он. – Если ты надорвёшься, спросят с меня.

Сомнения оправдались. Мы шли к лестнице, а, значит, к выходу. Глупая история не прошла для меня даром. Разбираться, кто прав, а кто виноват, поздно. После драки кулака-

ми не машут.

– Так почему ты не дождалась меня? – поинтересовался гранн между делом.

– Потому что эти ваши бутерброды с виннифортской абжигой – такая гадость, – высказалась я, задыхаясь от быстрого шага. Слабость не отступала. – Не потому, что с абжигой, а потому, что с виннифортской. Маги у них особо злые, знаете ли, а я неэкологичный магопром снабжать не хочу даже косвенно! Печеньки, правда, были вкусные, спасибо. Но одними печеньками же сыта не останешься?

– Голодна?

– Угу-у, – жалобно простонала я, представляя запечённого мамонта в сырном кляре. И с досадой вспоминая о яблоке, что оставила в комнате. – О-о-очень!

– Это хорошо, – бесстрастно заявил Вандергейт. Кормить меня на дорожку он явно не собирался. – Значит, успели вовремя. Трамбосские морские орехи – не шутка.

– Не беспокойтесь, гранн, – не упустила возможности съязвить. – До дома как-нибудь доеду. А если меня начнёт рвать в пути, полагаю, возница сможет подержать мои волосы не хуже Вас.

Вандергейт опустил сумку на пол и остановился у лестницы. Откинулся на перила, переводя дыхание, и подарил мне свой самый суровый взгляд:

– То, что ты послушалась – не шутки. В твоих интересах не лезть из огня в полымя. По крайней мере, пока ты в этих

стенах, и пока тебя об этом не просят.

Он говорил тихо, но твёрдо. Не окрашивал слова эмоциями, но отчего-то становилось ясно: злится. Сильно злится. И, возможно, разочарован.

Захотелось пристыженно опустить глаза в пол и больше никогда не поднимать.

– Поняла меня? – повторил он чуть громче.

– Полагаю, Ваше предупреждение излишне, гранн, – вопреки желанию покаяться, я упёрла руки в бока и с вызовом посмотрела на куратора. Что терять? – Дома меня мамочка воспитывать будет.

– А пока ты не дома, придётся мне, – Вандергейт подхватил мою сумку.

И рванул на верхние ярусы.

Означать это могло только две вещи: либо я так достала глубокоуважаемого, что он планирует сбросить меня с башни, либо... я переезжаю в другую комнату! Первый вариант отмела сразу: зачем тогда мои пожитки? От улик избавляется?

Второй, впрочем, тоже сулил мало приятного: я могла не поладить с новой соседкой. Дружбы со мной на курсе не водил никто. Не оттого, что я вредная: просто так исторически сложилось. Аэрийцы в "Вороньем гнезде" – как червяки в компоте. Даже эльфы из резервации, которая территориально находится внутри Аэрии, их презирают.

Слабость то и дело смаривала, заставляя останавливаться.

Вандергейт учтиво ждал, когда я отдышусь, приду в себя и наберусь силёнок. Когда с горем пополам мы дотащились до десятого яруса, я поминала Филлагорию всеми известными словами. Даже матерными.

Никогда не забиралась так высоко!

Нас встретил однотипный коридор по стандартному проекту. Та же мозаика, та же форма. Разве что, двери комнат здесь встречались реже. Возможно, оттого, что башня сужалась к вершине, как устрашающее подобие когтистого пальца.

Направо. Третья дверь от лестницы. О, Филлагория, только бы комната оказалась пустой! Я готова каждый день по сорок два раза взбегать на десятый, игнорируя одышку и мышечные боли, лишь бы не делить свою жизнь ни с кем! По крайней мере, до Эссенса. А после... все увидят, как я хороша, и сами будут сторониться!

Но нет. Вандергейт учтиво постучал в дверь. Как-то по-особому: два длинных, три коротких. Теперь я знаю, как звучит реквием моим последним надеждам.

Проглотила горькую слюну. Предчувствие неладного скусилось под ложечкой: что же будет?

Когда тяжёлая дверь, застонав, отворилась, я поняла, что знаю новую соседку.

Глава 9

Таллия. Иллюстрация Елены Поповой.

Из проёма смотрела крошечная эльфийка, что устроила бадабум на лекции Ламио. Та, которая порвала голубое бархатное платье. Растерянно хлопала длинными ресницами, перебирала кончики платиновых волос. Хрупкое бледное тельце едва прикрывали крошечные белые шорты и блузка с завязками на животе - столь же белая. Я бы сгорела со стыда, если б куратор таращился на меня в таком обличье!

Вандергейт и таращился, но пар из смешных торчащих ушек эльфийки отчего-то не валил. Она совершенно не смущалась и от души наслаждалась своей мягкой красотой и магнетизмом. Кокетливо сощулив глазки, эльфийка изогнула спину и потянулась. На её губах расцвела смешная улыбка во все тридцать два - или сколько там зубов у эльфов, - и ореол порочности вмиг рассыпался.

- Гранн Вандергейт, - пронзительно пропела эльфийка. - Вы поздно. Что-то случилось?

- Пропусти нас, Таллия, - ответил Вандергейт, сбиваясь то ли от волнения, то ли от эльфийского магнетизма.

- У нас гости, гранн? В такой-то час? Без согласования?

- Лотта будет жить с вами.

- Лотта? - Таллия оглядела меня: с удивлением, но без неприязни, и распахнула дверь. - Но Я ведь подавала петицию на переселение. Два раза. Я думала, Вы за мной

- Подавала, - отозвался Вандергейт, пропуская меня впе-

рёд. - И не только ты подавала. В удовлетворении прошения отказано. Обеим.

Я едва не споткнулась об огромный, аккуратно упакованный баул с вещами. О ком это он говорит? Обо мне? Но петиции - это вообще не моя опера! Ежу понятно, насколько это бесполезное дело! А может

Едва я задумалась, на меня снизошла ужасная истина. "Лотта будет жить с вами", – пробасил в голове голос Вандергейта, и сразу спёрло дыхание. У меня не одна соседка. У меня две соседки. И они друг друга не очень любят.

Огромная комната с тремя кроватями подтвердила догадки. Да вовсе это и не комната, а политическая карта мира. Слева - светлая и безупречно прибранная, искрящаяся от чистоты Аэрия. Справа - мрачный и захламлённый, порушенный войной Виннифорт. Длинное прямоугольное окно зонировалось, как угольное месторождение: слева на пол ниспадала роскошная серебристая штора, подобранная медным зажимом; справа под потолком колыхалась простая чёрная занавеска. Слева подоконник украшали милые карикатуры в рамочках и магографические хрустальные шары, справа цвели розы! Настоящие бархатные розы в горшках: кроваво-красные, багровые и фиолетовые. Совсем как в Виннифорте.

Кровать, что ждала меня, горбила спинку у самого входа. Одинокая, пустая, с голым матрасом. Кусок окна мне не полагался. Вокруг расстилались безликой серостью Полярные

мёртвые земли. Они жаждали освоения. Ждали, что я принесу сюда свой порядок. Или беспорядок.

- Но она ведь пугает меня своими иллюзиями, - надулась Таллия, и её голос стал тише. - У меня уже ухо дёргается! Она назло оставляет свои миазменные тапки на моей территории, раскидывает одежду, не по графику занимает санузел и не моет за собой кружку! Вот, полюбуйтесть!

Таллия спесиво указала пальчиком на помятую кровать, прибранную тёмно-синим кружевным покрывалом. Поверх валялась пара скромных, почти одинаковых тёмных блуз, кожаные брюки и белый накладной воротничок. Что ж, Таллия явно лучше, чем Парфина, ведь одежда потенциального врага не испорчена и не испачкана. А еще от Таллии не пахнет тыквой!

- А она утверждает, что ты часто приводишь друзей, вы шумите в комнате и мешаете ей заниматься, - Вандергейт присел на пустую кровать: по-свойски, словно был здесь частым гостем. - И что ты трогала её вещи.

- Это не друзья, это адепт-актив факультета. И всё было согласовано: три члена адепт-совета подписали приказ. Мы обсуждали стратегически важные вопросы!

- Какие же? - Вандергейт вскинул бровь, изображая заинтересованность.

- Подсчёт поголовья первокурсников, - Таллия деловито загнула пальчик. - Гендерное и расовое распределение первокурсников. Особенности расселения адептов по башням.

Динамика вкуса рыбных котлет в трапезной. Рассчёт плотности зимних одеял...

- А лучше б обсудили причины и особенности личностных конфликтов между соседями по комнате и способы их решения, - Вандергейт поднялся и постучал по спинке моей кровати, словно пробуя каркас на прочность. - Думаешь, это моя работа? Расселять комнаты, тушить фитили, утешать обиженных, следить, чтобы никто никому не оторвал уши И чем только занимается менталист высшего магического ранга?

- Так почему Вы подписались на всё это? - ляпнула я невпопад.

Таллия зыркнула на меня то ли как на юродивую, то ли как на подгнившую шкурку от глибби.

Гранн Вандергейт обернулся. В его глазах вспыхнула подавленная ярость, и я сообразила, что отвечать мне он не намерен. По крайней мере, не сегодня и не сейчас.

- Отчего, Таллия, это проблема двух лучших студентов курса? - продолжал он, проигнорировав мой вопрос. - Умных, осознанных, достойных? Я могу понять, когда орчанки не дают жизни аэрийкам. Могу понять, когда никто не хочет селиться с Бимлингом из-за специфического запаха его родового тотема. Могу понять даже то, что уже четвёртый сосед отселяется от Вирго

Вздогнула, услышав знакомую фамилию. Так значит, таракашка Юдиас умеет выселять неугодных соседей? Теперь

я знаю о нём чуть больше. Может, стоит у него поучиться?

- но то, что вы никак не оставите друг друга в покое, выше моего понимания.

Таллия пристыженно отвернулась, и её левое ухо задёргалось. Стиснув губы, она ринулась к двери в душевую и замолотила по дереву:

- А ну, выходи! Неладная, что ли, схватила? Почему я должна всё выслушивать за тебя?

- Так значит, заслужила, - парировал из-за двери приглушённый голос. А потом добавил резко и визгливо: - Профурсетка!

Таллия оскорблённо прикрыла глаза и заслонила лицо дрожащими ладошками.

- И вот так всегда, - пробормотала она, обращаясь то ли ко мне, то ли к куратору. - Что я ей сделала?

- Ты ведь знаешь, в чём причина. Пора привыкнуть, - проговорил Вандергейт, направляясь к душевой. Постучал и выкрикнул: - Эй! Нужно поговорить!

- Злюка! - донеслось из-за двери, и сказано это было явно не Таллии.

Моя челюсть рухнула до самого пола. Отпускать такое в адрес преподавательского состава - да и ректората, что уж тут - имела право только одна девушка на курсе.

И я её боялась.

Из душевой лениво выполз ктулху: мокрый и мрачный.

Ктулху пах незрелыми яблоками. Вода капала с длинных каштановых щупалец, облепивших круглую голову, прямо на тёмно-синюю мантию. Босые ноги зловеще шлёпали по полу, оставляя весёлые лужицы и ручейки. Лишь два задумчивых карих глаза, торчащих из всего этого безобразия, позволяли узнать в депрессивном осьминоге Адель Слоттер - лучшую студентку курса. Определённо лучшую, определённо незаменимую. Иначе с какого перепугу ей прощают всякие дерзкие выходки?

- Эх, Адель, - выдохнул Вандергейт разочарованно. - Вот это словарный запас! Мы уже забыли слова "проститутка", "блудница", "шлюха", "шкура"...

- "Потаскуха", "шмара", - подхватила Таллия, покрасневшись от смущения.

- И "подстилка", кажется, - уточнил Вандергейт почти шёпотом.

- И "подстилка", - щёки Таллии налились закатным багрянцем.

- Так мы и весь словарь Близя забудем, - покачал головой Вандергейт. - Говорить разучишься.

До чужих упрёков Адель было фиолетово. Она гордо прошептывала по паркету к окну, ведя за собой мокрый след, внутреннюю войну и разруху. Условный порядок комнаты трещал по швам и крушился, а Таллия морщилась. Так уж

устроен мир: некоторые несут порядок, некоторые - хаос. А я несу чушь.

А ещё я умею строить моську, как у голодного котика.

- А это кто? - Адель вскинула голову. Мокрая рука, похожая на искорёженную ветку, указала на меня.

Я выпрямилась и с готовностью упёрла руки в бока. Когда в тебе не узнают наследницу могущественного клана, это здорово бьёт по самолюбию.

- Лотта, - представилась я.

- А, - Адель закивала. - Та самая Шарлотта Энвиллан. Слыхала.

- Теперь я буду жить с вами

- Что-о-о?

Адель отшатнулась к окну. Капли воды веером посыпались с кончиков её волос, заставив Таллию сморщиться ещё сильнее и отчаянно задёргать левым ухом.

- Я надеюсь, это шутка? - протянула Адель низким голосом, но уже через мгновение визгливо заголосила: - Чушь! Чушь! Чушь!

Адель вскинула руки к потолку, и я в ужасе открыла рот. Право, корчить моську обиженного котика в подобной ситуации неуместно.

По левому предплечью Адель бежали, разрастаясь и ветвясь с каждой секундой, чёрные жилы. Мощные, пульсирующие, лоснящиеся. Казалось, она вот-вот обратится в ктулху на самом деле!

Что это? Скверна? Или зря нам говорят, что оборотни давно вымерли?

Таллия и Вандергейт переглянулись. Так многозначительно, будто подобное стало для них обыденностью.

- Адель, - спокойно произнёс Вандергейт и сделал шаг вперёд, встав прямо перед девушкой. - Помнишь, как мы договаривались? Вдох - выдох - снова вдох.

Адель послушно застыла, и в её взгляде впервые мелькнуло что-то человеческое. Чёрные жилы сдулись и заскользили к запястью, собираясь в крошечную фигурную татуировку.

- Я не хотела, - произнесла она виновато. - Вы же знаете

- Вот поэтому нельзя пренебрегать домашними заданиями и навыками контроля. Я не зря тебе их даю.

- Злюка! - выплюнула Адель, и татуировка на её руке на миг выпустила чёрные паучьи лапки.

- В чём дело на этот раз? - гранн Вандергейт, казалось, нисколько не обиделся. - Снова выкрали кошелек?

Адель опустила глаза и отвернулась.

- Всё в порядке, - на её губах зажглась натянутая улыбка, и мне почудилось, что она лжёт, - просто один человек

- Да что стесняешься-то? Это всё лунные боли, - перебила Таллия. - Ужасно! Я предлагала остановить их, так ведь недалёкой меня считает! Бездарной! Не доверяет!

Адель сжала губы и шумно задышала. Чёрные жилы снова проступили сквозь её бледную кожу и, ветвясь, поползли к локтю.

- Молчи, слышишь, молчи, когда не спрашивают! Профурсетка! - выкрикнула она и, раскидывая за собой вуаль капелек, ринулась обратно в душевую.

Я растерянно замерла у своей кровати. Распаковываться и обустраивать свой личный кусочек политической карты комнаты уже не хотелось. И мне с этими двумя жить? Но как? Как, Филлагория? Одна тусит с активом курса прямо в комнате и раздражается из-за каждой пылинки, другая отбитая на всю голову - как бы глаза ночью не повыковыривала. Так они ещё и цапаются!

Едва дверь за Адель захлопнулась, и в душевой зашумела вода, Таллия панибратски дёрнула Вандергейта за рукав:

- Вы уже согласовали всё с гранном Ламио?

- Ещё нет, - ответил Вандергейт. Разговор явно не доставлял ему удовольствие.

- Согласуйте, - Таллия перешла на шёпот. - Поговорите. Очень прошу.

Я заправляла кровать, делая вид, что разглаживаю складочки на простыне, но держала ухо остро. Да так остро, что оно едва не дёргалось, как у Таллии. Слух у меня хороший. Особенно когда дело касается чего-то интересного.

- Я ведь не виновата, - прошептала Таллия. - Если я получу недопуск из-за этого случая, то

- Я знаю, что ты не поступила бы так. И обещал. Я всегда держу своё слово. - тихо отозвался Вандергейт.

На несколько мгновений воцарилась тишина: такая лич-

ная и интимная, что я боялась повернуться. Лишь лёгкий плеск воды напоминал, что время течёт, а не застыло, как жук в янтаре.

- Располагайся, Лотта, - когда Вандергейт подал голос, мне полегчало. - Здесь тебя никто не обидит.

Я кивнула. Угу, как же. Разве что, объявит бойкот за полосы от чая на кружке или обзовёт профурсеткой.

Когда за Вандергейтом закрылась дверь, я почувствовала себя одинокой. Одинокой и разбитой, как выкинутый на помойку старомодный кувшин.

Глава 10

- Теперь у тебя есть дом! Ты рад?

Щенок вскидывает преданные чёрные бусинки глаз и виляет крошечным хвостом. Клонит голову набок и высовывает розовый язык. Крошечные лапки смешно стучат по начищенному паркету. Шаг. Два, и мой новый друг заваливается на бок! Все малыши такие потешные!

- Ты рад? - треплю бархатную холку. - Ну, скажи? Скажи!

Прижимаю щенка к себе. Лапки сминают нарядный воротник. Крошечное, тёплое сердце бьётся где-то напротив моего. Мокрый нос тычется в щёку, и меня переполняет счастье, ведь у меня впервые появился друг! Настоящий, верный друг!

- Как же тебя назвать? Может

Если бы я была чуть внимательнее, я услышала бы шаги.

- Это что ещё такое?! - гремит над головой голос мамы.

Я лишь крепче сжимаю объятия, стараясь спрятать щенка в складках платья. Мама поругается, а потом разрешит. Мама правда разрешит

Наивная дура восьми лет от роду!

- Мамочка! - верещу, улыбаясь. - Я нашла его у дороги.

Он был совсем один, очень хотел есть, и

- И что? - голос матери холоден и бесстрастен. - Это не значит, что ты можешь тащить животное в дом!

Знает же, как ударить в самое сердце!

– Это всего лишь щенок, - оправдываюсь я, но с каждой секундой язык заплетается сильнее. - Я оставлю его!

– Только через мой труп. Собаки грызут мебель, рвут обои и царапают паркет. А ещё от них шерсть кругом и невыносимый запах.

Мама склоняется надо мной: аристократичная и худая. Тонкие, светлые брови сходятся над переносицей галочкой. Я слишком хорошо знаю это выражение лица. Злится.

Дыхание клокочет в горле и застывает битым стеклом где-то под сердцем. Молись, Лотта, чтобы не попало. Молись

- Дай-ка мне его, - произносит нарочито-ласково.

Но я знаю, что кроется за этим голосом.

– Нет, - вырывается полушёпотом, и горячие ручейки согревают щёки. Колкое дыхание сочится наружу звуками, и кажется, что язык изранен в кровь. Я вся в осколках

– Кому говорю, Лоло?

– Не-е-ет! - ору во весь голос, заслоня щенка собой.

Отчаяние парализует, но я обязана выстоять. Это мой друг! Мой лучший друг! Он не пострадает из-за моей слабости! Нет!

– Не-е-е-е-ет!

Волна дрожи прошла по телу, и я разлепила намокшие глаза.

На незнакомом потолке, теснясь в световых квадратах, дрожали тени.

Память восстанавливала мир по кирпичикам. Вандергейт привёл меня сюда за полчаса до отбоя и оставил на попечение новых соседок. Таллия, впрочем, оказалась не такой вредной: помогла разместиться и разобрать баул, заварила для меня отвар облепиховых ягод и хвои, а пока я пила и давилась этой гадостью - готовила целебную мазь для моего носа. С Адель поближе познакомиться не удалось, да и не хотелось. Мокрое тело грузно рухнуло в постель уже затемно, не проронив ни слова.

Вновь и вновь мысли воскрешали сон. Что произошло тогда? Чем всё закончилось? Почему это снится мне снова и снова, и отчего раз за разом выбивает из колеи?

Смежив веки, я попыталась забыться. Мрачные коридоры понеслись перед глазами, возвращая в кошмар. Плечи сдавило, внутри заколотилось отчаяние. Я плакала, а слёзы прорывались в реальность. Кричала, пытаюсь проснуться, но с губ слетали лишь сдавленные стоны.

Битое стекло. Расколотое зеркало. И в каждом кусочке мозаики - моё искажённое отражение

Камни на заднем дворе

- Тише, тише, - прорезался сквозь сонную муть чей-то шёпот. А потом холодные ладони легли на виски, обхватив голову: - Вот так. Спи. Спи-и-и

И мрачные коридоры рассыпались по камушкам.

Передо мною раскрылось поле, пестрящее цветами. Вдалеке вековое дерево клонило искорёженные ветви к земле.

Солнце катилось к горизонту, выпуская в небо оранжевые змейки, а где-то вдалеке мерцала вода. Как кусочки зеркала.

Я бежала по высокой траве навстречу свету, и свежий ветер трепал волосы, раскидывая их за спиной. Неслась по склону, перепрыгивала через плети торчащих корешков, и платье хлопало на ветру, как парус. Страх оставался позади - ему не догнать меня. Прощальные лучи согревали кожу, а дыхание было таким лёгким, словно кто-то нёс меня на руках. И не помнила ни Юдиаса, ни Вандергейта, ни Парфину с подружками-орчанками

Берег усыпали цветные гладкие камушки. Разбросав их ногами, я кинулась в воду, и шёлковая гладь приняла меня. Прохладные волны обняли и поволокли за собой сквозь сеть затуманенного воздуха. Вместе с прохладой пришли лёгкость и эйфория. И всё перемешалось: облака, розоватые от закатного солнца, каменистый берег, пульсирующее небо

Одна лишь деталь чётко отпечаталась в памяти.

В дикой полевой траве цвели розы.

Но отоспаться не удалось. Рассвет ещё не загорелся, когда меня выдернул из бездны сна настойчивый стук в дверь. Сквозь щёлочку в смеженных веках я разглядела, как Таллия раздражённо вдевает крошечные ступни в тапки и, зевая, спешит к двери.

– Кто там ломится в приличную комнату в неприличное время? – пробормотала она во тьме. – Сразу предупреждаю:

ещё один такой случай, и вход в комнату будет только по запросам. Письменным. В двух экземплярах.

– Хоть одна ценная мысль за восьмину, – сквозь сон пробормотала Адель. – Вот на такое я согласна.

И снова захрапела, как сытый Ктулху.

У самого порога Таллия расправила плечи и вздёрнула подбородок: так, словно собралась не открывать дверь, а принимать делегацию профессоров. Или читать стихи со сцены.

– Лития? – удивилась она, выглянув за дверь. Её правое ухо часто задёргалось. – Какая неладная тебя привела? Адепты устроили ночные посиделки? И опять не утвердили список закусок?

– Нет, – в комнату тенью проникла вторая крошечная эльфийка, пострадавшая на лекции. Выглядела она так, будто только что побывала под кроватью Юдиаса Вирго: всклокоченная, растрёпанная, не по-эльфийски мятая. – Там тако-о-ое!

– Орфея снова диарея накрыла? Говорила же: эльфийский желудок не предназначен для такого количества десертов! И вообще: меню давно пора заверять у независимого лекаря!

– Н-нет! – Лития отдышалась. – Послушай, просто послушай

– Уф-ф Неужели башня горит?! – Таллия задумчиво почесала дёргающееся ухо. – Никто об этом не предупреждал, а гореть надо э-э-э по согласованию с адепт-активом. Иначе

это не пожар, а самодеятельность какая-то!

Ну-ну. В совете адептов даже нашествие нежити происходит исключительно по согласованию и оформляется через протокол за подписью ректора.

– Да ничего, коварные низшие, не горит! В переходе – раздражённо пробормотала Лития. – На втором ярусе Мне кажется, это имеет отношение к тому, что случилось на лекции!

Тут мой сон как рукой сняло.

– Ты точно должна это увидеть! – добавила Лития. И тут же съязвила: – И, возможно, запротоколировать!

Таллия кивнула во тьме, и её ухо задёргалось ещё сильнее.

– Подождите, девочки! – Я вскочила, будто на меня террариум с ядовитыми гадюками опрокинули. – Я с вами.

– Но ты не член адепт-совета, Лотта, – возразила Таллия. – Тебя могут поймать коменданты. А мы должны обо всём узнавать первыми.

– Какие коменданты? Коменданты сами в шоке. Уже три яруса знают, – оборвала Лития.

– Таллия, топор я клала на этот ваш адепт-совет. И на комендантов. Я хочу разобраться в этой путанице, – отрезала я. – Со мной тоже произошло кое-что странное, и думаю, вместе спускаться безопаснее, чем по-отдельности!

Спотыкаясь и зевая, мы сбежали на второй ярус. Впрочем, уже с пятого отчётливо слышались чьи-то горестные вопли-песнопения: аж перила тряслись. И грубый голос несчастно-

го – или несчастной – казался мне до боли знакомым.

– Пожа-а-алуйста, – гудел кто-то со всей скорбью эльфийского народа далеко не эльфийским голосом. – Не могу я так бо-о-ольше! Верните мне её!

– У кого-то несчастная любовь? – фыркнула Таллия. – Это поправимо. Найдём того, кто отворожит. Я имею в виду, постараемся найти, согласовать или выписать из столицы. Но будить из-за этого?!

Лития лишь рукой махнула. По выражению её сахарного личика было видно, что она устала объяснять, поскорее хочет покончить со всем этим и предаться сну. А, может, даже сгрызть на ночь пару Трамбосских морских орехов.

Мы метнулись в переход, откуда доносились вой, топот и голоса. Зыркнув в тоннель, освещённый розоватыми маглямами, я едва не забыла собственное имя. Потому что голос, рыдающий на весь ярус, принадлежал той, которая способна плакать, разве что, над сломанной табуреткой. Мощная зелёная туша, бревном катающаяся по проходу, подтверждала, что я не обозналась.

– Парфина? – прошептала я. – Какого тёмного?! Вроде, и морские орехи конфисковали

Кругом толпились сонные адепты и преподаватели. Рой округлившихся глаз красноречиво вещал: никто не понимает ничего, но поглазеть явились все.

– Диарея? – робко предположила Лития.

– Лунные боли! – Таллия озадаченно почесала дёргающе-

еся ухо. – Это точно лунные боли!

– Да нет, просто она – я не договорила, проглотив окончание фразы.

А всё потому, что Парфина, сияя мокрой от слёз мордой, растолкала толпу, повалила дюжину хилых эльфов на пол, и с разбега уронила своё туловище точнёхонько мне в ноги – как будто бы я была её последней надеждой.

Глава 11

Парфина с рёвом поверженного мамонта врезалась мне в ноги: я даже охнуть не успела. По инерции меня опрокинуло на пол и протащило по камню на добрый десяток метров назад. По пути я сбила девчонку-старшекурсницу и преподавателя генеалогии.

Мы свалились точно у входа в мужскую башню в позе “бутербродик”: я внизу, как хлебушек, и центнер чистейшего мяса в виде Парфины сверху. На Парфину, подытоживая экспозицию, рухнул профессор Кизлер – тот самый преподаватель генеалогии. Его круглые очки перекосило, одна дужка отлетела, а на рукаве камзола, в спешке накинутаго поверх пижамы с котиками, расползся свежий разрыв.

Боли я не чувствовала: все чувства поглотило удивление. Какого низшего?!

– Я та-а-ак тоскую и скучаю! – взвыла Парфина, щедро пачкая соплями мою ночнушку. – Вернись, Летта! Умоляю!

– Я не Летта! – попыталась отодвинуться, но это оказалось слишком сложным квестом. Парфина никогда не называла меня по имени: неудивительно, что не запомнила. – Ты такая большая, а темноты боишься?

Профессор Кизлер, поглядев на нас, присвистнул и предпочёл слиться в тень. Стало чуть легче: по крайней мере, дышать получалось.

– Да при чём тут темнота? Темнота – друг молодёжи Литта, милая, меня же теперь никто не назовёт орочьим при-

блудищем! – взывала Парфина, глядя мне прямо в глаза. – Кто ещё покрасит мои тренировочные гамаши в васильковый цвет?! Я ведь так привыкла к обратной связи! Я хочу обратно нашу вражду: ты ненавидишь меня, а я ненавижу тебя! И всем спокойно!

– Попроси Леону, – я изо всех сил пыталась держаться бодрячком. – Она за кусок пирога тебя как угодно назовёт!

– Литта, так Леона моя подруга! Так неинтересно! Я хочу слышать это твоим, и только твоим голосом!

– Я не Литта! – закричала я. – Да что с тобой случилось-то? Шкаф на голову рухнул? Или зловонными испарениями надышалась?

– Просто я поняла, – Парфина шмыгнула носом, – что мне жизненно необходимо кого-то ненавидеть! А на манекенах тренироваться не выходит: они совсем не реагируют и быстро ломаются! Верни-и-ись, молю! Я всё прощу, Летта! Даже то, чего ты не делала!

– Это точно не диарея – над нами склонилась встревоженная Лития. Её личико было бледным, как простыня.

– Да, – согласилась Таллия где-то поодаль. – Это не диарея – это нарушение порядка, непозволительная самодеятельность и отсутствие воспитания!

– Это тёмный романс! – глупо захихикал кто-то в толпе.

Народу вокруг скопилось много. Слишком много, чтобы надеяться на то, что происшествие будет забыто. Толпа шепталась, охала, тарасилась сотней глаз, словно голодный

монстр. Помогать мне, впрочем, никто не рвался: да и вряд ли смог бы.

– Летта, я даже уступлю тебе свою кровать! – оскалилась Парфина.

– После того, как продавила своей тушей матрас?! – я даже растерялась от такой щедрости.

– Зато она ближе к клозету! А ещё я подарю тебе свои шлёпки с шипами взамен дурацких туфель, что испортила

– Сорок второго размера?! – Я аж закашлялась. – Мне они не подойдут!

– Сорок третьего, – поправила Парфина, от души сморкаясь в ладонь. Меня передёрнуло от отвращения. – Всё, что угодно для тебя сделаю, родная! Я заплету в твои волосы швабру! Я нежно размажу тебя по самой сучковатой стенке, а потом милым голосом попрошу отскрести себя! Только верни-и-ись!

– Милые дамы! – знакомый голос прогремел над нами, и от одного его звука захотелось провалиться сквозь землю. – Театральная академия – за сотню километров на юг, в Ардпорте. Может, вам лучше проявить свои таланты там?

Я с ужасом подняла глаза. Предчувствие не подвело: над нами склонился самый страшный человек после Парфины в этих стенах – гранн Ламио. Майка не по размеру комкалась на его вздутом животе, пижамные штаны то и дело норовили покориться гравитации. В поросячьих глазках высокочтимого горело желание выпнуть нас обеих прочь, украв право на

Эссенсус, да побыстрее.

– Гранн Ламио! – я в отчаянии замахала руками, насколько позволяло положение. – Она не притворяется! Ей правда плохо!

– Я просто слишком сильно её – заревела Парфина, лупя кулаками о каменный пол по обе стороны моего бренного тельца. – Слишком сильно ненавижу!!!

– Записывай! Трое пострадавших в результате инцидента, – слышался невдалеке голос Таллии, но я так и не смогла её разглядеть.

– Ага! – покорно вторил ей какой-то мальчишка.

А моё внимание по-прежнему концентрировалось на одном: как отмыться. Ладно толпа – низший с ней. Но если в дело ввязался Ламио – пиши пропало.

– Слышали, гранн Ламио? – рядом ниоткуда появился гранн Вандергейт, и в эту секунду я любила его больше всех на свете. – Парфина не притворяется. У неё просто слишком много проблем в последнее время. Могла и под воздействие чьё-то попасть.

– Моя самая главная проблема - это Летта! – Парфина шмыгнула носом. – Точнее, её отсутствие! Я попала под её бездействие! Никто больше не швыряет в меня самописцы за то, что я храплю! Не прячет мои панталоны! Не работает моей боксёрской грушей! Это невыноси-и-мо!

На мою многострадальную шею закапали горячие и искренние орочы слёзы.

– Вандергейт?! – недовольно сморщился Ламио, подтягивая штаны. – И Вы здесь?!

– Гранн Вандергейт, – ровно, но твёрдо поправил тот. Выглядел куратор, надо отметить, безупречно даже в простых трениках. – И раз уж Вы, гранн Ламио, решили устроить разборки прямо в коридоре, извольте или доказать Ваши домыслы, или перестать изображать поборника дисциплины.

– Запросто, – хрюкнул Ламио. – Сейчас я рассею магию, и мы увидим, что никакого воздействия нет. Орчанка просто берега потеряла.

– Пожалуйста, рассейте! – не выдержала я. – Я так хочу прежнюю Парфину!

Глаза Парфины тут же вспыхнули так, что меня обожгло. Приподнявшись, она стиснула меня в объятиях и басовито запричитала на ухо:

– О, Летта! О, неужели! Ты наконец-то позволила мне тебя простить!

Тем временем над нами замельтешили руки гранна Ламио, больше похожие на тюленьи хвосты, и тени покрыли нас с ног до головы. Ламио что-то нашёптывал, но я не смогла разобрать ни слова. Хвосты разлетелись в стороны и сошлись, звонко хлопнув. На нас полетел рой белых искр, на мгновение ослепив.

Парфина охнула и разомкнула свои смертельные объятия. Я вдохнула поглубже, радуясь долгожданной свободе и готовясь бежать со всех ног. Даже колени распрямить успела.

Но Парфина резво ухватила меня за подол ночнушки и потянула на себя – и пикнуть не получилось. Я снова повадилась задницей на каменный пол, готовая расплакаться от отчаяния.

– Цыц! – обиженно рывкнула Парфина сквозь слёзы. – Мы ещё не скрепили наш вражеский союз!

Шоу продолжалось, как ни в чём не бывало.

Я снова оказалась в крепких объятиях мускулистых зелёных рук. От Парфины невыносимо пахло тыквенным дезодорантом. Чувствовалось, что поспать сегодня не удастся: я до утра буду вымывать из себя этот омерзительный запах! Есть три вещи, которые Филлагория сотворила зря: недуги, Виннифортские маги и тыква. Видно, Богиню-Мать в тот день лунные боли мучили.

Или диарея.

Толпа редела. Кто-то совершенно разумно решил отдать остаток ночи сну, кто-то пошёл к занятиям готовиться, иные просто решили, что всё самое интересное закончилось. Ха! Представление только вступило в фазу кульминации!

– Наш вражеский союз, Летта, нужно скрепить, – Парфина уже не рыдала, и это радовало. Но от неё по-прежнему веяло помешательством.

– Я не Летта! – повторила я ещё раз.

– Да мне всё равно, кто ты. Главное, что я тебя ненавижу – и это, к счастью, взаимно. Мы должны отпраздновать это в

нашей комнате. Что предпочитаешь: тыквенный пирог или салями из отменной падали?!

Меня перекосило от одного упоминания тыквы:

– Я сама сейчас в падаль превращусь, если не отпустишь!

– М-м-м, – Парфина облизала губы, будто действительно была готова меня сожрать. Хотя, кто этих орков знает? – Из такой падали выйдет настоящий деликатес!

– Вот видите, я прав, – Ламио сощурился и щёлкнул пальцами. – Базовое заклятие рассеивания магии не сработало. Значит, это не магия! Орчанка просто дурочкой прикидывается.

Вандергейт задумчиво посмотрел на нас и едва заметно качнул головой:

– Я всё же полагаю, что это воздействие мощнейшей ментальной магии, а Вы, гранн, просто не обладаете достаточным потенциалом, чтобы перекрыть его.

Гранн Ламио покраснел, как кипящий чайник. Даже уши задымались.

– Какой-то мальчишка в опале будет давать оценку моему родовому потенциалу и многолетнему опыту?! – рявкнул он, и звуковая волна едва не повыбивала стёкла в переходе.

– Не вижу здесь мальчишек в опале, – гранн Вандергейт задумчиво пожал плечом. – Если Вы о Бимлинге, то сейчас он в гигиенической ссылке. В любом случае, я бы на Вашем месте не переходил на личности, гранн Ламио. Это никак не поможет Парфине.

– А завтра, Летта, – Парфина, между тем, и не думала за-
тыкаться. – Завтра мы можем поиграть в очень интересную
орочью народную игру. Называется “Яблочко”. Ты встаёшь
у стенки и кладёшь себе на голову яблоко, а я метая топор
и пытаюсь разрубить его пополам, не касаясь тебя. Я не поз-
волю тебе скучать, обещаю! Правым клыком клянусь! Смо-
жешь достать ещё яблоко? А то я съела твоё.

– Парфина, окстись! – разозлилась я. – Мы не будем иг-
рать! Ни в яблочко, ни в грушку, ни в питахайечку. Мы во-
обще дружить не собирались!

– Я и не прошу дружбы, Летта, – Парфина улыбнулась во
все пятьдесят шесть и на мгновение даже стала красивой.
– Мы будем враждовать. Так крепко, что обзавидуется вся
Фергазия!

– Ты можешь просто отпустить меня?! Просто руки раз-
жать. Мне дышать нечем!

– О нас будут слагать поэмы, – продолжала Парфина на-
шёптывать мне в ухо. – И наши потомки будут помнить, как
сильно и самоотверженно мы ненавидели, моя худшая вра-
гушка! О, я так счастлива, так тронута

– Заметно, – буркнула я, – что ты тронута.

– Я повешу твой портрет в своём логове и буду метать в
него ножи, – вдохновенно продолжала Парфина. – Я подарю
тебе дрожь, тики и заикание! Я сделаю твою жизнь – Она
закашлялась. – Сделаю твою жи-и-изнь

Вандергейт насторожился и подошёл ближе. За его спи-

ной плавал лик Ламио: всё ещё багряный, как закатное солнце. Профессор Кизлер тоже нарисовался рядышком: видимо, отошёл от шока. Оставалось лишь надеяться, что он снова не рухнет на нас.

– Это не морок, – сказал Вандергейт уверенно. – И не воздействие.

– Так я сразу говорил, что орчанка выделиться решила! – недовольно пробурчал Ламио.

– И не просто эмоции, – задумчиво продолжил Вандергейт. – Но вот если эмоции многократно усилить, не используя ментальное воздействие

– Это невозможно, – отрезал Ламио.

– Сделаю Твою Ж-ж-ж – Парфина с удивлением взглянула на меня. Встряхнула головой. – Что я несу? – И неожиданно разомкнула объятия, оттолкнув меня. – Какого, скажите мне, низшего я вообще сокрушалась по этой тухлой аэрийке?!

– Парфина! – тут уже я бросилась обниматься. Даже в зелёную щёку чмокнула несравненную врагиню. – Настоящая злобная Парфина! Как же я счастлива, что ты вернулась!

– Не – Парфина, отбрыкиваясь, оттолкнула меня. Глаза её стали круглыми, рот искривился ломаным зигзагом, а грубый, басистый голос превратился в визг недорезанного поросёнка. – Не подходи ко мне впредь, убожество позорное! Если я и прикоснусь к тебе, Энвиллан, то только топором! Будь проклят тот день, когда нас поселили в одну комнату!

Она поднялась и поспешила к лестнице, расталкивая кишашую толпу и повторяя:

– Да чтобы я с ней связалась?! Ещё раз?! Ни за что, Филлагория! Ни за что! Лучше уж душу низшим продам!

Я поднялась, по-прежнему не понимая, к чему были эти сантименты. Размяла косточки. Каждая мышца ныла и всё ещё просила пощады.

– Ты в порядке, Лотта? – Вандергейт уверенно встал напротив. – Нужна помощь?

– Я должна это всё развидеть и размыслить, – заметила я нехотя. – Справлюсь как-нибудь.

– Лотта? – ко мне подлетела Таллия. Следом за нею семенил такой же крошечный блондинистый эльф с торчащими зубами. – Всё хорошо?

– Слава Филлагории, – ответила я.

– Посмотри! – продолжала верещать Талия, забирая у эльфа блокнот. – Мы составили доклад об инциденте в двух экземплярах для адепт-совета. Утверди: “Трое пострадавших в результате инце В результате”

Она с негодованием на личике повернулась к своему товарищу-писцу:

– Орфей! Говорила же: будь внимательнее! Что это значит: “Трое пострадавших в результате инцеста”?! Ты хоть знаешь, что такое инцест?!

– Это то, чем они занимались! – прочавкал Орфей с дурашливой ухмылкой.

– Я тебе что, на орка похожа?! – возмутилась я. – Может быть, тебе стоит приобрести

Фраза оборвалась на полуслове, едва я заметила знакомую фигуру в дальнем конце перехода.

Он спокойно стоял, прислонившись спиной к стене и согнув одну ногу в колене, будто заправский модник. И пристально смотрел на меня. Дорогой бордовый пиджак, накинутый поверх пижамы, болтался на его плечах. Адепты бежали мимо, спеша вернуться в комнаты, но он никуда не торопился. Выбритый алый висок горел в маглимовом полумраке, подобно кровавой луне.

Едва поймав мой взгляд, Юдиас растянул губы в улыбке и помахал рукой. А потом, не сводя с меня глаз, медленно пошёл в сторону мужской башни.

И, клянусь, я почти чувствовала боль от этого взгляда.

Глава 12

Ирвин. AI-иллюстрация.

Я ненавижу алхимию.

Особенно душные практикумы в факультетской лаборатории.

За едкий запах неведомых составов из пробирок и колб. За дым, что постоянно валит в лицо, застилая глаза и вызывая слёзы, икоту и чихание; а спустя пару дней – и прыщи. За огнёвки, что то и дело заставляют полыхать чьи-то волосы, уши и робы. За громкие взрывы-хлопки и мелкие осколки стекла, свистящие в воздухе.

И за то, что я ни низшего в ней не понимаю.

Прежде всего – за это, если совсем уж честно. Жуткие формулы и заклęcia, не подчинённые никакой логике – сплошная засада.

В первый же день в Академии я разлила сонную вытяжку по столу, и половина адептов в группе прохрапели весь практикум напролёт. Пришлось отрабатывать. Всем. В долгожданный выходной. А тем, кто храпел громче всех – аж два выходных кряду. Стоит ли говорить, что после этой катастрофы я стала главным козлом отпущения среди новичков?

На третью восьмину учёбы, после короткого периода мнимого благополучия, мне вздумалось понюхать экстракт безмолвия – больно уж вкусно он пах! Карамелью, бисквитом и немножечко кисловатой гайварой. И когда меня вызвали отвечать, я не смогла произнести ни единого слова и зарабо-

тала неуд. Хотя это было не так эпично, чем случай за восьмину до этого, когда Бимлингу вздумалось глотнуть ветрогонной эмульсии, мне снова пришлось отрабатывать все выходные.

Но сегодня практикum сулил совсем иное.

Во-первых, в той части потока, что записалась на практикum, оказался и Юдиас. И хотя он сидел в самом углу, не обращая ни на кого внимания, мне сделалось не по себе от его присутствия. Будто мог в любой момент потянуть за поводок, как собачку, или щёлкнуть по носу. Да и кожей чувствовала: наблюдает.

Во-вторых, рядышком с какого-то перепугу пристроился Ирвин Ластли: фергазийский красавчик с кудрявыми огненными волосами, фиалковым взглядом из-под длинных ресниц и смазливый личиком. По нему тайно – или не слишком тайно – вздыхала половина девушек потока, но он пока не определился. Неудивительно: Ирвин был весел, отзывчив, лёгок на подъём, вёл колонку в факультетской газете, а ещё магичил вполне себе как профессор, а не как зелёный адепт. Один его файербол мог спалить целую Академию!

С другого бока пристроились шилопопая девятилетка Роттильда Колон из родной Аэрии и её законный представитель – бородатый папочка в засаленных тапках, который вечно прессовал профессоров за ущемление по национальному признаку. Роттильда действительно казалась сообразительной для своего возраста, но пихать девятилетнего ребёнка в

Академию, где полно далеко не гениальных остолопов, как мы – действительно сомнительное решение. И происхождение тут ни при чём.

Стоит ли говорить о том, что я даже дышать боялась?!

Подытожил грядущий звезда ректор “Вороньего гнезда” Хоулинг Батхёрт, что степенным шагом зашёл в лабораторию прежде, чем там появилась преподавательница. Мы-то знали: просто так из своего тёмного угла ректор не показывается. Выглядел Батхёрт как всегда угрожающе: прилизанные тёмные волосы, гнутый нос, похожий на проросшую картофелину, глухой воротник-стойка, камзол с золотыми пуговицами и точёная трость. Двери сами захлопнулись за ним, а длинные столы бережно расступились, освобождая путь. За высокочтимым и устрашающим волочилась длинная тёмная мантия, искусно расшитая золотыми созвездиями.

Краем глаза я заметила, что Юдиас изменился в лице, едва архигранн Батхёрт занял место у кафедры и взмахнул тростью. В уверенном взгляде Юдиаса мелькнули растерянность и затаённая злоба, а губы сжались. Наверное, у них уже случались разговоры-междусобойчики, и мой новый знакомый явно остался не в выигрыше. Ведь ректор обладал властью, способной заткнуть за пояс даже самого отпетого умника, и магией, страшашей любого инакомыслящего. Ну, не зря же его ректором избрали, право!

– Прошу внимания, уважаемые адепты, – сухо, но властно произнёс Батхёрт, и все вокруг – даже Роттильда – покорно

замерли и затихли. – Полагаю, вы знаете, почему сегодня я удостоил вас своим присутствием.

Я сжалась в напряжённый комок. Бросила взгляд на Юдиаса: его глаза напряжённо бегали, но он держался. Меня не оставляло чувство, будто он замешан во вчерашнем, хотя такого, конечно, не могло быть.

– Не переживай, Шарлотта, – раздался из-за плеча голос Ирвина: вполне доброжелательный. Он будто прочитал мои мысли о жуткой ночи в объятиях Парфины. – Ты ни в чём не виновата.

– Спасибо за поддержку. – Я улыбнулась, поймав лукавый взгляд Ирвина, и, кажется, покраснелась, будто в лихорадке.

– Всегда рад, всегда готов, – отсалютовал тот и улыбнулся так лучезарно, что я почувствовала себя курицей. Но не простой – которой отрубили голову.

– Инцидент, произошедший вчера ночью в переходе, не вписывается ни в какие рамки! – Ректор стукнул тростью о пол, и все присутствующие распрямились, как струнки. Ну, кроме Юдиаса: он по-прежнему выглядел, будто его погребли заживо. – Мы полагаем, что на Парфину Враттах, Таллию Прайдмур и Литию Пруденс воздействовал сильный ментальный импульс. Настолько сильный, что даже наши ведущие профессора не смогли его опознать и рассеять.

Кто-то по ту сторону стола громко охнул.

– Оттого, – продолжал Батхёрт кровожадно, – у нас есть подозрения, что у одного из адептов открылся сильнейший

ментальный поток, и тот надёжно его скрывает. А поскольку у нас только два новичка-менталиста, и оба абсолютно точно не были замешаны в этой катавасии, мы решили дать этому чрезвычайно талантливому адепту возможность признать вину. Я обращаюсь к тебе, смельчак: твоя магия тебя погубит! Такой поток нуждается в хорошем контроле и постоянной работе над собой. Сознайся и повинись: не мне, так куратору.

Батхёрт пристально посмотрел на меня. Тут же захотелось залезть под стол и поселиться там. Я знала, что окажусь без вины виноватой: ведь у меня хорошая наследственность, и в обоих случаях я тусила рядом с потерпевшими. Но предъявить мне нечего; а, значит, возможно за мною будут некоторое время наблюдать, или даже прессовать.

Вот только одного не учёл архигранн: мои предки – боевые маги и лекари. Менталистов у меня в родословной не наблюдалось и в седьмом колене. Ментальная магия никогда не возникает спонтанно: её приносит кровь предков.

Ну, оно и лучше: справки наведут да отстанут. И найдут виновного. Непременно найдут.

– А остальным адептам – наставление, – продолжал Батхёрт с видом самого умного. – Не ввязывайтесь в споры. Ни с кем не ссорьтесь, особенно с незнакомцами

Я аж ухмыльнулась. Надо б соломки подстелить.

– Не нарывайтесь. Регулярно проверяйте личные вещи на наличие подкладов и необъяснимых загрязнений

Тут мне вспомнился листок лавандовой бумаги и записка от Юдиаса. Записка, которую он во время нашей встречи почему-то забрал обратно. Можно ли это считать подкладом?

Я покосилась на Юдиаса, и наши взгляды на мгновение встретились. Обожгло. Отвернулась.

Здравый смысл – если он у меня, конечно, есть – выдвинул свой аргумент. А бутерброды с абжигой – тоже подклад? А печеньки? А рвотный корень? А тапки Адель на коврик Таллии? Хм. Интересная вырисовывается картина.

– И самое главное, – добавил ректор напоследок. – Если станете свидетелями чего-то подобного, сразу зовите куратора! Не пытайтесь самостоятельно помочь пострадавшим: это может быть опасно! Никакой самодеятельности!

Голос Батхёрта гремел в ушах, как угроза. Клянусь Филлагорией и всеми мученицами Её: он тарасился на меня так, словно я была виновна. Так, будто заочно приговорил к поглощению драконом!

– И почему он пришёл именно к нам? – улыбнулся Ирвин, когда двери закрылись за ректором, а столы послушно встали на место, расплескав пару эссенций кому-то на рукав. – Большая часть потока сейчас в тренировочном зале, ещё одна – на заклкятиях, ещё

– Ты видел, как он на меня смотрел? – невесело усмехнулась я, перебив. – Не иначе, как зуб точит. Я ведь оба раза была рядом с пострадавшими!

– Не бери в голову, – Ирвин махнул рукой и бросил на

стол фолианты из заплечного мешка. — Даже душному старику приятно задержать взгляд на красивой девушке.

Я едва поймала падающую челюсть. Это он мне? Точно мне? Никто и никогда не называл меня красивой. Даже ма-тушка. Наверное, выглядела я в эту секунду так, будто рек-тор только что не устроил нам взбучку, а станцевал стриптиз.

— Вот, — добавил Ирвин не к месту и густо покраснел. — Он не может тебя обвинять. Ты никогда не поступила бы так подло, Лотта! Я же видел, как вы грызлись с Парфиной все эти восьмины. Она — твой враг, а вчера ты её защищала, буд-то сестру. Так может поступить только очень хороший чело-век.

Мы стояли у длинного лабораторного стола и смотрели друг на друга, улыбаясь, будто два дурака. На щеках Ирвина горел розовый румянец, а мои, должно быть, залило глубо-ким багрянцем. Я никогда не знала, как зарождается друж-ба, но чувство, что я испытывала, было знакомым. Приятная теплота внутри. Огненный цветок.

— А давай сделаем эту лабораторную вместе? — предложил Ирвин. Никакого подвоха в его словах не чувствовалось.

Отчего-то сомневаясь, я зыркнула через стол, в дальний угол, заставленный штативами, где сидел Юдиас. Бросила на него взор и тут же пожалела. Жестокий взгляд таранил насквозь; навывлет, как шальная пуля. Сколько подавленной ярости читалось в нём!

Но я ведь ничего не обещала. И намёков не давала: разве

что, под одним одеялом чуть повалялась. Да и выбесил он меня знатно своими унижительными подколами.

Оттого я ответила Ирвину:

– Да, конечно. Буду рада, если ты мне поможешь!

– Сегодня мы будем синтезировать магические чернила для самописцев, – провозгласила тощая гранна Эрисс, поправляя лабораторную мантию и натягивая перчатки на пальцы. – Чернила эти уникальны тем, что исчезают, если пишущий сознательно искажает правду. Да-да: это тот самый артефакт, что используется в судах. Не только в Фергазии, но и по всему Эглерону.

– Наивная, – усмехнулся Ирвин беззлобно. – В Аэрии на них санкции.

– Надо будет – без вас сварим! – Я огрызнулась, давая понять, что не потерплю оскорблений в адрес родного государства.

– Не думаю: у вас недавно запретили ввоз Крушинбэйских ракушек.

– А при чём тут ракушки? – удивилась я.

– Сейчас увидишь!

– Адепты, попрошу объединиться в пары и надеть защитные мантии!

Я потянулась к своей мантии – и обнаружила лишь пустую спинку стула. Подняла глаза, не понимая, что произошло, и обомлела: Ирвин с довольным видом держал мою мантию за

плечи, явно собираясь помочь ей поглотить моё тщедушное тельце.

Сердце стукнулось о рёбра и замерло. Но не потому, что это было весьма трогательно и обещало куда больше, чем совместный практикум. Уже пару минут мои мысли целиком занимало другое: Юдиас, напросившись в пару к вспыльчивой орчанке Мойре, стоял по ту сторону стола напротив нас. И то и дело поглядывал на меня так, будто я только что продала бескрайнюю Аэрию за булочку с джемом.

О, Филлагория, почему этот мутный тип меня так волнует?! Подумаешь: под одеялом пару секунд вместе полежали? За такое ведь не наказывают. И не делают лоботомию взглядом!

Намеренно громко поблагодарив Ирвина, я придвинула к себе ящичек с реактивами. Что тут у нас? Слезы ласточки, экстракт синего хмеля, гемолимфа кладбищенской мухи, тринадцать пробирок с зубодробительными этикетками. И да: коробочка с пигментом из Крушинбэйских ракушек. Нам по иронии судьбы достался самый неромантичный цвет – коричневый.

– Обратите внимание на эссенцию чистого намерения, – гранна Эрисс повертела перед глазами колбой с чёрными кристаллами. – Это редкий реактив, поэтому на весь стол у вас лишь две колбы. Передавайте их друг другу в процессе работы.

Отлично. Сильнее всего я ненавижу просить. Потому что

не умею. Оставалось лишь надеяться, что за меня это сделает Ирвин. Или на то, что если Шарлотта не придёт к колбе, колба явится к Шарлотте, отрастив ноги и совесть.

– Не отказался бы я от такой эссенции на сессии, – хохотнул Ирвин. – Чтобы лень обуздать. А то материала слишком много, а свободного времени – мало.

– Можешь рискнуть и стащить, – парировала я.

Папаша крошки Роттильды слева от меня подозрительно навострил уши.

– У каждого из вас на рабочем месте – инструкция по приготовлению чернил, – гранна Эрисс медленно двинулась вокруг стола. – Закрепите самую большую колбу на штативе, предварительно налив туда тридцать миллилитров обычной воды. Тридцать! Не больше и не меньше. Затем зажгите огнёвку под колбой и поддерживайте постоянную температуру раствора: сорок два градуса. Строго сорок два!

Ага. Ясно то, что ничего не ясно.

– Лотта, – шепнул Ирвин. – Ты случайно не перепутала пипетку с кинжалом?

Я опустила глаза. Рука сжимала пипетку так крепко, что побелели ногти. Острым кончиком я неосознанно целилась в левый глаз Юдиаса. Совпадение? Не думаю.

– Просто я ни низшего не понимаю в алхимии, – попыталась я отговориться. Глупее и не придумаешь.

Спокойно, Лотта. Рядом с тобой самый эффектный парень из неофитов. Парень, который, к тому же, неглуп и пре-

красно ориентируется во всех этих склянках. Просто расслабься и позволь событиям течь так, как они текут.

Стоп! Не ласточкиным слезам – событиям.

– Теперь отмерьте три капли слёз ласточки и четыре капли экстракта синего хмеля, – скомандовала гранна Эрисс. – И добавьте их в колбу.

Я кивнула Ирвину. Протянула ему колбу с экстрактом синего хмеля – рука почти не дрожала. Сама же начала отмерять ласточкины слёзы. Одна Две

Юдиас что-то прошептал Мойре с ехидной усмешкой. Та согласно закивала и ухмыльнулась, показав длинные клыки. Сердце не к месту царапнуло. Да так, что я пролила две капли слёз на стол. Капли яростно зашипели, прожигая дерево. Хорошо, что это были слёзы ласточки: если б я уронила их из своих глаз, всю лабораторию разорвало бы к низшим!

– Будь осторожна, Лотта, – мягко проговорил Ирвин. – Слёзы ласточки могут шрамы оставить, если на кожу попадут.

Ирвин осторожно коснулся моей руки и положил свою ладонь поверх, направляя:

– Смотри: сначала надо убедиться, что пипетка пуста. Потом крепко зажать грушу и опустить кончик во флакон. Осторожно отмеряем три капли. А теперь, оставляя пальцы в том же положении, осторожно несём реактив к колбе. Во-от!

Густые капли ласточкиных слёз расплылись по воде, окра-

сив её светло-голубым и слегка вспенив. Пузатая колба пшикнула паром и отразила мою физиономию. Ничего себе, да я раскисла, как хлебушек! Рот до ушей, будто Филлагория ума при рождении не додала!

– В исходе практикума, уважаемые адепты, – раздался прямо за нами голос гранны Эрисс, и я вздрогнула, едва не опрокинув штатив, – вы должны будете сделать вывод, за счёт каких алхимических преобразований достигается эффект распознавания лжи. У вас пока всё идёт очень хорошо, ибрес Ластли, ибреса Энвиллан. Продолжите так же – и всё получится верно.

– Спасибо, Ирвин! – прошептала я едва слышно.

– Можно подумать, ты не справилась бы без меня, – игриво подмигнув, заметил тот.

– А сейчас, адепты, вам понадобится один кристалл эссенции чистого намерения! – объявила гранна. – Кристалл нужно будет осторожно положить в колбу, а затем – произнести заклятие, указанное в инструкции. Передаём колбы друг другу, не стесняемся!

Клянусь, эта часть лабораторного практикума казалась мне самой затруднительной. Уж лучше ласточкины слёзы по капельке дозировать, чем что-то просить.

– Эй, не тормозим! Вы тут не одни! – Мойра резво схватила колбу с чёрными кристаллами у папочки Роттильды. Кристаллы переливались на солнце всеми цветами радуги, словно были из неё сотканы. Так вот ты какое, чистое наме-

рение!

– Это ты мне сказала?! Понаехали тут, да ещё и права ка-
чают?! – визгливо возмутился бородач. Роттильда пронзи-
тельно заплакала, оттягивая его мятый камзол, но родитель
не обращал на неё ни малейшего внимания. – Знаешь, что
делают за дискриминацию по национальному признаку?!

– Спешу заметить, – Мойра сжала горлышко колбы так,
будто хотела её придушить, – что в Фергазии тридцать про-
центов населения – орки. И ещё двадцать – метисы орков и
людей, как, например, я. Может, я и безродная, но я – корен-
ная фергазийка из Лок-Гиннара, и у меня второй разряд по
боксу! За дискриминацию по расовому признаку я обычно
бью в морду без предупреждения. Повторишь, что ты только
что пропищал, понаехавший?!

– Я я сказал, что у Вас очень к-красивое п-платье! – кряк-
нул тот, резко теряя пыл.

Ого, а Юдиас-то не лыком шит. Знает, с кем дружить, да
кого в союзники выбирать. Мойра – просто образец женской
силы: скольк

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.